

О БАСНѢ

И

о Баснописцахъ разныхъ народовъ,
извѣстіе объ ихъ жизни, съ
нѣкошорыми замѣчаніями на ихъ
басни и самыя басни оныхъ.

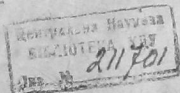
Опытъ, распространенный *Василіемъ
Масловичемъ*, изъ первой его лекціи
читанной въ **ИМПЕРАТОРСКОМЪ**
Харьковскомъ Университетѣ, по случаю
Докторскаго экзамена, по словесному
отдѣленію.

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ Университетской Типографіи.

1816 года.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесеніи читавшаго сіе Сочиненіе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенія, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Ноября 30 дня, 1815 года.

Деканъ Антонъ Дегуровъ.

ДОСТОПОЧТЕННЫМЪ МУЖАМЪ

И

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНАМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Сей опытъ,

съ глубочайшимъ почтеніемъ и съ чувствованіемъ истинной благодарности, подноситъ

Сочинитель.

С о д е р ж а н і е.

	Стран.
Происхожденіе басни - - -	3
Различіе басни отъ повѣсти и сказки -	5
Различіе въ разсужденіи наружнаго вида	6
Опредѣленіе басни - - -	7
Раздѣленіе басни - - -	—
Величина басни - - -	8
Точность дѣйствія басни - - -	9
Отъ чего Езоп. басни менѣе нравятся не- жели Лафонтеневы - - -	10
О баснописцахъ - - -	12

И н д ѣ й ц ы.

Вишну-Сармъ.

Бидлай, Пильлай.

Столяръ и Обезьяна - - -	14
--------------------------	----

Е ф і о л я н е.

Локманъ - - -	15
---------------	----

Г р е к и.

Езопъ.

Левъ и Лягушка - - -	16
----------------------	----

Афитоній.

Лебедь - - -	—
--------------	---

Езопъ.

Осель и Левъ - - -	17
--------------------	----

Лисица и виноградъ - - -	—
--------------------------	---

Р и м л я н е.

Федръ.

Лисица и Воронъ - - - 18

Аеіень.

Осель во Лвиной кожѣ - - 19

*Новые писатели Латинскіе.**Христъ.*

Муравей и Стрекоза - - 20

Десбильонъ.

Слѣпой и Хромой - - 21

Левъ и лягушки - - 22

*И т а л і я н ц ы.**Балди.*

Фиговое и Миндальное деревья - 23

Сицилія и Нептунъ - - —

Тарга или Павеси.

Муравей и Стрекоза - - 24

Фердиццти.

Левъ, Осель и Лисица - - —

Роберти.

Кошка и Сыръ - - 26

Пинъотти.

Прожектеръ - - 27

*Ф р а н ц у з ы.**Ла-Фонтенъ.*

Лисица и Журавль - - 31

Ла-Мотъ.

Человѣкъ знающій свою судьбу - 33

Ришеръ.

Сова, Жаворонокъ и Павлинь - 35

Ле-Нобль.

Лисица и Воронъ - - 37

III

Спран.

<i>Доратъ.</i>					
Филинь	-	-	-	-	40
<i>Обертъ.</i>					
Дроздъ	-	-	-	-	41
<i>Имбертъ.</i>					
Левъ — судья	-	-	-	-	43
<i>Андотъ.</i>					
Лошадиный бѣгъ	-	-	-	-	46
<i>Флоріанъ.</i>					
Обезьяны и Леопардъ	-	-	-	-	48

А н г л и ч а н е.

<i>Гай.</i>					
Книгопродавецъ и Слонь	-	-	-	-	51
<i>Едвардъ.</i>					
Лисица и Виноградъ	-	-	-	-	56
<i>Мооръ.</i>					
Гусь и Лебеди	-	-	-	-	—

Н ѣ м ц ы.

<i>Бонеръ.</i>					
О недостойномъ чиновникѣ	-	-	-	-	60
<i>Буркардъ Вальдисъ.</i>					
О юношѣ лжецѣ	-	-	-	-	63
<i>Гагедорнъ.</i>					
Лисица и Козель	-	-	-	-	67
<i>Геллертъ.</i>					
Юноша и Старикъ	-	-	-	-	69
<i>Лихтверъ.</i>					
Рѣдкіе люди	-	-	-	-	71
<i>Глеймъ.</i>					
Пчела	-	-	-	-	73
<i>Лессингъ.</i>					
Зевесъ и Лошадь	-	-	-	-	74

IV

	Стран.
Обезьяна и Лисица - - -	75
<i>Шлегель.</i>	
Сорока - - -	76
<i>Михаелисъ.</i>	
Мужикъ подъ дубомъ - - -	77
<i>Вилановъ.</i>	
Кошка, Старая и Молодая мыши -	80
<i>Захаріе.</i>	
Паукъ и Подагра - - -	81
<i>Николай.</i>	
Воронъ и Сова - - -	86
<i>Пфедфель.</i>	
Свѣтящійся червячокъ - - -	87
Ласточка и Пчела - - -	—
<i>Мейснеръ.</i>	
Пальма и Тыква - - -	89
Р о с с і я н е.	
<i>Неизвѣстный.</i>	
Лісіца - - -	91
Человѣкъ и Песъ - - -	92
<i>Кантемиръ.</i>	
Огонь и восковой болванъ - -	94
<i>Ломоносовъ.</i>	
Волкъ Пастухъ - - -	96
<i>Тредьяковский.</i>	
Пѣтухъ и Жемчужина - - -	98
Воръ и Песъ - - -	—
<i>Сумароковъ.</i>	
Собака и Воръ - - -	100
Заяцъ - - -	101
<i>Елинь.</i>	
Супъ и Ботвинья - - -	104

Хемницеръ.

Мужикъ и Корова	-	-	-	107
Собака и Мухи	-	-	-	108

Барковъ.

Волкъ и Ягненокъ	-	-	-	109
Лисица къ трагической личинѣ	-	-	-	110

Фонъ Визикъ.

Лисица кознодѣй	-	-	-	111
-----------------	---	---	---	-----

Майковъ.

Роза и Змѣя	-	-	-	112
-------------	---	---	---	-----

Княжнинъ.

Живописецъ въ полону	-	-	-	115
----------------------	---	---	---	-----

Богдановичъ.

Комаръ и Журавль	-	-	-	117
------------------	---	---	---	-----

Сковорода.

-	-	-	-	-
---	---	---	---	---

Нахимовъ.

Мосъка и Собака на привязи	-	-	-	120
Парикъ и Болванъ	-	-	-	121
Фортуна	-	-	-	-
Волы и лошадь	-	-	-	-
Зеркало и Уродъ	-	-	-	122

Левшинъ.

Агунъ.	-	-	-	123
--------	---	---	---	-----

Измайловъ.

Барсъ и Бѣлка	-	-	-	125
---------------	---	---	---	-----

Хвостовъ.

Хлѣбъ и Собака	-	-	-	126
Безногой и Босою	-	-	-	127

Невѣдомскій.

Олень и Овца	-	-	-	128
--------------	---	---	---	-----

Крыловъ.

Слонъ и Мосъка	-	-	-	129
----------------	---	---	---	-----

VI

	Стран.
Воронежскъ - - -	130
<i>Дмитріевъ.</i>	
Амуръ Гимень и Смерть - -	132
Полевой Цвѣтокъ и Гвоздики - -	—
Верблюдъ и Носорогъ - -	—
Отецъ съ Сыномъ - -	133
<i>Бунинъ.</i>	
Общество и Время - -	134
Смерть и ея Придворные - -	—
<i>К. Урусова.</i>	
Пчела - - -	136
Разкащикъ - - -	137
Примѣчаніе - - -	138
Заключеніе - - -	140

О Басни вообщѣ и о Баснопис-
цахъ, съ нѣкоторыми на нихъ
замѣчаніями.

Que j'aime les héros dont je conte l'histoire !
Et qu'à m'occuper d'eux je trouve de douceur !
J'ignore s'ils pourront m'acquérir de la gloire,
Mais je sais qu'ils font mon bonheur.
Avec les animaux je veux passer ma vie ;
Ils sont si bonne compagnie !

Florian.

*О Басни вообще и о Баснописцахъ,
съ нѣкоторыми на нихъ замѣ-
чаніями.*

§ 1.

Очень правдоподобно, что по-Произ-
слѣ Лирической поэзіи показались ^{хожде-}
Басни, какъ несомнѣнно то, что ^{ніе ба-}
^{сни.} Лирическая поэзія появилась по-
чпи вмѣстѣ такъ сказать съ пер-
вымъ человекомъ. Первый чело-
вѣкъ будучи пораженъ всѣмъ его
окружающимъ, долженъ былъ из-
лить свой возпоргъ предъ Создав-
шимъ; и сей возпоргъ его былъ
Гимнъ или Ода. Послѣ когда люди
составили общества, ревностнѣй-
шему члену онаго, или защитив-
шему его, или изобрѣтшему для
онаго что либо полезное, — они
воздали заслуживаемую похвалу,

и сія похвала была ни что иное, какъ Гимнъ, или Ода. Но какъ обществу не могли долго пребыть невинны, или, яснѣе сказать, когда быстро исчезъ золошой вѣкъ, столь много восхваляемый древними — начали вкрадываться злоупотребленія, и опять право сильного стало быть ошущительно, когда мощнаго не смѣлъ прямо укорить въ его несправедливости безсильный: то острый умъ его долженъ былъ прибѣгнуть къ выдумкѣ; и — онъ вмѣсто себя слабого заставилъ овцу слабую же жаловаться и укорять, но не человека — притѣснителя, а волка, или подобнаго ему животнаго, и отъ сего произошелъ другой родъ стихотвореніи, то есть Басни. — Конечно не Езопъ былъ первый изобрѣвшій Басенъ; гораздо прежде его онѣ извѣстны были. Онъ первый собралъ ихъ, или въ особенності занялся ими и получилъ названіе Отца — Баснописца. Езопъ

употреблялъ еще съ тою цѣлю свои Басни, для которой онѣ были вымыслены, но нынѣшнихъ писателей цѣль отъ той опмѣнна.

§ 2.

Многіе совершенно отплича-^{Разли-} ютъ баснь отъ повѣсти и сказки. ^{чье бас-} Правда что есть различіе между ^{ни онѣ} тремя сими иносказаніями, но спра- ^{повѣс-} тливо и то, что онѣ всѣ про- ^{сказки.} исходятъ изъ одного источника, и какъ бы раздѣляются на три ручья, которыя опять однако соединяются, и текутъ къ одному предмету. Стоишь только вникнуть въ происхожденіе каждаго слова и разность трехъ сихъ родовъ объяснятся: баснь — баю, повѣсть — повѣствую, сказка — сказываю. Какое различіе между тремя сими словами, такое же различіе и между тремя сими родами. Ежели же разумѣть баснь, повѣсть и сказку не въ наружномъ, а (еслили позволено только

сказать) во внутреннемъ видѣ, по ра ность между ими окажется и того менѣе.

§ 3.

Разли- И такъ душа шрехъ сихъ ро-
чѣ въ довъ едина, что же касается до
разсуж- шѣла, или наружнаго ихъ вида,
деніи наруж- легче можно оплчить ихъ ме-
наго ви- ду собою. Предѣлы басни суть —
да. крашки, повѣсти, — длиннѣе, сказ-
ки обширнѣе. Дѣйствующія лица
первой, суть: а) животныя, б)
вещи неодушевленные, с) люди
и животныя, d) животныя и вещи
неодушевленные, е) люди и вещи
неодушевленные. Второй люди,
каковы суть. Третьей: а) всѣ шѣ
лица, какія и въ басни находяш-
ся; но только люди занимають
первое мѣсто; б) чудеса, или
сверхъ естественныя силы. По-
казавъ различіе шрехъ сихъ ро-
довъ, мы займемся первымъ, то
есть баснями, повѣсти же и сказ-

ки оставимъ, дабы сохранить пред-
полагаемую краткость.

§ 4.

Послѣ всего сказаннаго, почти Опре-
не надобно бы опредѣлять басни: ^{дѣленіе} басни.
опредѣленіе ея каждой легко ви-
дишь: что она ни что иное естъ,
какъ стихотворческое повѣспиво-
ваніе о какомъ нибудь вымышлен-
номъ или истинномъ дѣйствіи,
которое разыгрывается или жи-
вопными, или неодушевленными
вещами, или тѣми и другими, или
людьми вмѣстѣ съ живопными и
съ вещами.

Посему басни бываютъ трехъ Раздѣ-
родовъ: 1.) Собственно такъ на- ^{леніе} басни.
зываемыя Басни, гдѣ дѣйствуютъ
существа одушевленные, неода-
ренные разумомъ; 2.) Басни пѣ-
тическія тѣ, въ коихъ дѣйству-
ютъ вещи неодушевленные — и-
ные родъ сихъ басенъ называютъ
несбыточными. 3.) Басни смѣ-
шанныя, гдѣ дѣйствуютъ суще-

ства словесныя съ безсловесными и неодушевленными. Сославъ басни имѣетъ двѣ главныя части: а) повѣствованіе дѣйствія и б) выведенное изъ онаго наставленіе. Первая часть въ басни непремѣнна; вѣпорая же часто бываетъ только подразумѣваема, т: е: читателю или слушателю оставляется самому вывести наставленіе, и принаровить къ себѣ, или къ другимъ.

§ 5.

Величи- Многіе хотѣли назначить пре-
на бас- дѣлы басни и даже именно въ сколь-
ни. кихъ строкахъ должна она нахо-
диться. Но они хотѣли несбыточнаго. Можно только сказать, чтобъ баснь была кратка, не опредѣляя впрочемъ математически сію краткость. Баснь можешь заключаться въ одной, въ двухъ строкахъ и въ двухъ стихахъ и болѣе и тогда еще сохраняетъ должную свою краткость. Конечно,

когда ея предѣлы будутъ весьма обширны, тогда она теряетъ свое названіе. Короче, баснописцы смотря по предмѣту басни должны распространять и величину басни.

Здѣсь можно сказать, что Баснь басни, такъ, какъ и поэмы должны непременно писаны быть стихами. Но не стихами такъ называемаго вольнаго размѣра, какъ того многіе требуютъ. — Всѣ извѣстные доселѣ размѣры стиховъ могутъ дозволены быть въ басни, даже кому угодно, можетъ на сей конецъ изобрѣсти собственный свой. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ написать хорошо и занимательно.

§ 6.

Теперь скажемъ нѣсколько Точ- словъ о точности дѣйствія басни. Она бываетъ тогда, когда толь явственно сходствуетъ съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое подѣ- ность дѣйствія басни.

онимъ разумѣется, что довольно даже нынѣшняго моднаго вниманія, чѣмъ содержащееся подъ онимъ понятіе уразумѣть и принаровишь къ человѣческимъ поступкамъ, такъ на пр: въ сей Нахимова басни:

Поперянный алмазъ въ пыль лежалъ.

Алмазомъ пыль пренебрегала.

Ахъ! какъ ты предомною малъ,

Она ему сказала:

Съ земли я гордо поднимаюсь,

И въ уши, и въ глаза прохожему бросаюсь;

Здѣсь знаютъ всѣ меня: и лапоть и башмакъ!

А ты... какой бѣднякъ!

Никто тебя не примѣчаетъ.

За пылью — вдругъ алмазъ смиренно отвѣ-
чаетъ:

§ 7.

Опъ че- Хотя Ёзоповы басни отличны
го Езо- опъ прочихъ своею простопою,
повы отъ прочихъ своею простопою,
басни легкостію, краткостію и напу-
менѣе ральностію; но онѣ не столько
нра- намъ нравятся, какъ басни Ла-
вятся, фонпена, или какъ басни другого
нежели Лафон-славнаго, новаго баснописца, но
иена? не пошому только, что онѣ пи-
саны прозою. Федръ оставилъ ба-

сни свои въ списахъ; но онѣ тоже уступаютъ новѣйшимъ. Причина сему та, что Лафонтень, или новѣйшіе баснописцы придаютъ дѣйствующимъ лицамъ своимъ всѣ обыкновенія, сужденія, обхожденія, даже шутлы и имена, какія приличны одному только человѣку. Отъ чего басни дѣлаются забавнѣе и интереснѣе, больше обращаютъ вниманія читающаго, или слушающаго, и симъ самымъ, невольнымъ, такъ сказать, образомъ похищаютъ у него улыбку, или смѣхъ; причина еще та, что самыя произшествія людскія приписываютъ безсловеснымъ и соблюдаютъ даже самую форму произшествій. *На пр:* не занимательно ли въ басни Дми-тріева слышатъ доводы Петра Кролика, какіе онъ приводитъ Судѣ Крысодаву, защищая свое право владѣнія надъ своею норой, или домомъ? даже соблюденъ слогъ прозѣвъ приказныхъ? Вотъ какъ:

Петръ кроликъ приводилъ въ доводъ,
 Обычай, давность; — ихъ закономъ,
 Онъ утверждалъ, введенъ въ владѣніе нашъ родъ
 Безспорно шшимъ домоу,
 Который кроликомъ Софрономъ
 Отказанъ, справленъ былъ за сына своего
 Ивана кролика; по смерти же его
 Достался въ силу права
 Тоужъ сыну, именно мнѣ кролику Петру.

Эпо совершенный списокъ съ прозь-
 бы нашей. Всѣ судейскія слова,
 повпоренія, порядокъ, ничего не
 упущено — и баснописецъ по не-
 волю заставляе насъ, читая сіе
 мѣсто, разсмѣяться. Эпо можно
 почестъ новымъ изобрѣщеніемъ къ
 Езоповой басни, нынѣшнихъ писа-
 телей и — изобрѣщеніемъ важ-
 нымъ, и весьма украшающимъ
 басню.

§ 8.

О бас-
 нопис-
 цахъ.

Разсуждая о басняхъ, непро-
 сиппельно бы было ничего не упо-
 мянушь объ ихъ виновникахъ. И
 по сему, дабы не уподобится шѣмъ
 дѣшамъ, которыя любяшъ лако-
 миться медомъ, а презираюшъ

пчель, скажемъ нѣсколько объ извѣстныхъ баснописцахъ народовъ:

Басни *Вишну-Сармы* писаны Вишну-на древнемъ Индусскомъ или Сан-Сарма-скрипскомъ языкѣ, и служили Индѣй-образцемъ баснямъ Пильпая, и Езопа. Многіе сего Вишну-Сарму почитаютъ за первѣйшаго баснописца; не лучше ли признаться, что мы не знаемъ кто былъ первый изобрѣтатель басень? —

Пильлай, Браминъ Индѣй-Видпай, скій, управлялъ во время владѣ-Пильпай-нія Царя Дашелима частію Индостана, заключающеюся между Индіею и рѣкою Гангесомъ. Слѣдуя обыкновенію воспочныхъ народовъ, даетъ онъ въ своихъ басняхъ, аллегорическимъ образомъ Государямъ наставленія, какъ управлять своими подданными. Сіи басни переведены нѣсколько разъ на языки Персидской, Арапской и на всѣ почти Европейскія, какъ равномѣрно и на нашъ. Хотя Ла-Мошь справедливо усматриваетъ

Пиль- нѣкоторыя погрѣшности въ сичъ
пай. басняхъ; но онѣ всегда будутъ и-
мѣть свое достоинство. Вотъ
одна изъ басень Пильная:

Б А С Н Я Х.

О столярѣ и обезьянѣ.

Обезьяна увидѣла столяра, кото-
рой кололъ бревно двумя большими
клиньями, вкладывая одинъ за дру-
гимъ въ разсѣлину, чтобъ шѣмъ удо-
бнѣе расколотъ бревно. Какъ столяръ
оставилъ свое дѣло, а обезьяна уви-
дѣла, что никого нѣтъ, то она при-
шедъ, вынула одинъ клинъ, которой
былъ въ разсѣлинѣ, не вложивъ дру-
гаго, чего ради обѣ части бревна сплюс-
тились, и защемили двѣ ноги у обезь-
яны, которую столяръ возвратившись
убилъ до смерти.

Сія басня учитъ насъ, что мы
не должны мѣшаться въ постороннія
дѣла. (*)

(*) Басни Пильная всѣ почти связаны между со-
бою, такъ, какъ и Вишну - Сармы, каждая
басня включаетъ въ себѣ другую, хотя ча-
сто послѣдняя противорѣчитъ первой.

Локманъ, *Эѳіопскій Мудрецъ*, мно- ^{Лок-}
 гими почитается изобрѣтателемъ ^{манъ}
 притчей; жилъ въ Соломоновы ^{Эѳіоп-}
 времена. Извѣстія объ немъ сход- ^{скій.}
 ствуютъ съ жизнію *Езопа*, и по
 сему нѣкоторые *Локмана* и *Езо-*
па почитаютъ за одного. Мы о-
 славимъ другимъ защищать, или
 опровергать сіе мнѣніе.

§ 9.

Теперь слѣдуетъ *Езолъ*, О- ^{Езопъ}
 пецъ притчъ. Онъ былъ ^{Грече-}
 невольникъ, родомъ ^{скій.} *Фригіецъ* и
 жилъ въ 35 столѣтіи по сотво-
 реніи міра. *Ядмонъ*, или *Идмонъ*
 даровалъ ему свободу; онъ былъ
 уважаемъ Царемъ *Лидійскимъ*. Его
 жизнеописаніе (трудъ одного *Гре-*
ческаго монаха, по имени *Макси-*
ма Планида) слишкомъ спихотвор-
 но. Сей же монахъ собралъ его
 басни, разсѣяныя въ сочиненіяхъ
 древнихъ многихъ писателей. —
 Отличительная черта басенъ *Езо-*
повыхъ — простота и легкость.

Λέων καὶ Βάτραχος.

Εζοπῶ. Λέων ἀγέσας ποτὲ βατράχου μέγα βοῶντος, ἐπεσάφη πρὸς τὴν Φωνήν, οἰόμενος μετὰ τὴν ζῶν εἶναι. πρὸς μείνας δὲ μικρὸν, ὡς εἶδεν αὐτὸν προβλῆδόντα τῆς λίμνης, προσελθὼν αὐτὸν κατεπάτησεν.

Ὁ μῦθος δηλοῖ μὴ δεῖν πρὸ τῆς ὀψέως δι' ἀκοῆς μόνης ταράττεσθαι.

Афи-
шоній.

Афитоній, Софистъ и Ри-
шоръ 3 столѣтія по Р. Х. Ему
приписываютъ 40 басенъ, совер-
шенно начертанныхъ въ родѣ Езо-
повомъ, попому, что какъ содер-
жаніе, такъ и рассказъ взяты изъ
Езопа съ небольшими перемѣ-
нами.

Κύνος.

Ανὴρ εὐπορῶν χῆνά τε ἅμα καὶ κύνας
ἅμφω τρέφειν ἐβόλετο. ἔτρεφε δὲ, ἐκ ἐφ'
ὁμοίαις βλεψύμασι. τὸν μὲν γὰρ ἀδῆς, τὸν δὲ
τραπέζης ἐνέκτετο χάριν. ὡς δὲ ἔδει τὸν χῆνα
ἀποθανεῖν ἐφ' οἷς ἐτρέφετο, νύξ μὲν ἦν, καὶ
διαγινώσκειν ὁ καιρὸς ἐκ ἀφῆκεν ἐκότερον. ὁ
κύων δὲ ἀντὶ τῆς χηνὸς ἀπαχθεὶς ἀδῆ σημαίνει
τὴν φύσιν, καὶ τὴν τελευτὴν διαφεύγει τῷ μέλει.

Οὕτως ἡ μουσικὴ τελευτῆς ἀναβολὴν ἀ-
περγάζεται.

Такъ же и *Бабрїя* или *Габрїя* Бабрїѣ. Греческаго языка-учителя 4 столѣтія по Р. Х. разываютъ издателемъ 43 Греческихъ басенъ, коихъ содержаніе *Езопа* украшено сспихами.

Περὶ Ὀνυ καὶ Λεοντῆς.

Φέρων Λέοντος δέρμα τοῖς ὤμοις Ὀνος,
Ἦυχει Λέων εἶναι τις, αἰπόλος βλέπων.
Ἐπεὶ δὲ γυμνὸς τῆς Λεοντῆς εὐρέθη,
Τέτον μύλων ἐμνησε τῆς ἀταξίας.

Περὶ Ἀλώπεκος καὶ σαφυλῆς.

Κερδῶ βότρης βλέψασα μακρᾶς ἀμπέλ.
Πρὸς ὕψος ἦρτο, καὶ καμῶσα πολλάκις
Ἐλεῖν, ἀπέειπε. πρὸς δ' αὐτῆς ταῦτ' ἔφη,
Μὴ κάμνε, βράγες ὀμφακίζουσιν μάλα.

§ 10.

Уроженецъ Фракійскій и оп-Федръ пущенникъ Августа *Федръ*, ко-Лашын-
его басни, суть изобрѣтенія *Езо-*скій.
повы, написанныя Ямбическими
Сенаріями, о чемъ онъ самъ упо-
минаетъ въ прологѣ. Онѣ до 15 спо-

Федръ. лѣшнѣя были неизвѣстны. *Николай Перротѣ* доставилъ ихъ свѣту.

VULPES ET CORVUS

Cum de fenestra corvus raptum caseum
Comesse vellet, celsa residens arbore;
Hunc vidit vulpes; dehinc sic coepit loqui:
O qui tuarum, corve, pennarum est nitor!
Quantum decoris corpore et vultu geris!
Si vocem haberes, nulla prior ales foret.
At ille stultus, dum vult vocem ostendere,
Emisit ore caseum, quem celeriter
Dolosa vulpis avidis rapuit dentibus.
Tum demum ingemuit corvi deceptus stupor.

Hac re probatur, quantum ingenium valet,
Virtute et semper praevalet sapientia.

Авѣенъ. *Авѣенъ* процвѣтавшій во 2 столѣтїи въ царствованіе Автонина. Послѣ него остались 42 басни въ Елегическихъ стихахъ, однако безъ пріятности и красоты, какія усматриваются въ подлинникѣ его Федръ. Онъ преложилъ въ стихи Ямбическіе исторію Типа Ливія. Сей его трудъ, хотя для тогдашнихъ временъ былъ достоинъ посмѣянія, но нынѣ по-

служилъ бы дополненіемъ тѣхъ ча. Азіенъ.
сней, кои утрачены.

ASINUS PELLE LEONIS INDUTUS.

Metiri se quemque decet, propriisque iuvare
Laudibus, alterius nec bona ferre sibi.
Ne detracta gravem faciant miracula risom,
Cooperit insolitis cum remanere malis.
Exuvias asinus Gaetuli forte leonis
Repperit, et spoliis induit ora novis,
Aptavitque suis incongrua tegmina membris,
Et miserum tanto pressit honore caput.
Ast ubi terribilis animo circumstetit horror,
Pigraque praesumptus venit in ossa vigor,
Mitibus ille feris communia pabula calcans,
Turbavit pavidos per sua rura boves.
Rusticus hunc magna postquam deprendit ab aure,
Correptum vinclis verberibusque domat.
Et simul abstracto denudans corpora tergo
Increpat his miserum vocibus ille pecus:
Forsitan ignotos mutato murmure fallis;
At mihi, qui quondam, semper asellus eris.

Иванъ Фридрихъ Христъ, Христъ
бывшій Профессоръ стихотвор-
ства въ Лейпцигѣ родился 1701
а умеръ 1756 года. Онъ полагалъ,
что Федровы басни не были на-
писаны древнимъ Римскимъ сти-
хотворцемъ; но что онѣ были тру-
довъ его ошылкашеля Ник. Пер-

Христъ *рота*. Чпобъ сіе мнѣніе болѣе под-
твердитъ, написалъ онъ двѣ кни-
ги Эзоповыхъ басенъ, въ такомъ
почино видѣ, въ какомъ онъ вы-
шли въ Лейпцигѣ 1748 года.

FORMICA ET CICADA.

Formica brumae de caverna tempore
Aestate lecta farra promit, et secat
Dente impigro. Sed lebile ad latas adstitit
Orans cicada, copiae partem daret.
Formica ad illam: aestate quod fecisti opus,
Ne ipsi liceret comparare tibi cibos?
Tum non vacabat, inquit: errabam levis
Segetes per omnes carmen ingratis canens.
Formica ridet, ac recondens farra, ait:
Quia tum canebas, iam, decet, salta ad modos;
Nam non futura pinguior tu de meo.

Amare munus utile operae discito.
Operis honesti studium, et ipse labor, iuvant.
Habet arte vita nostra dulcius nihil,
Aut otiosi inerte durius otio.
Hoc in tua re sequere; sic vives bene,
Regnare visus, dum quidem es nulli gravis.

Десби-
льонъ.

Иванъ Десбильонъ Ексь-Езунпъ
въ Минхенъ. Басни его переведен-
ныя на Французскій языкъ и 1786
вновь изданныя, взяпы по боль-
шой части изъ лучшихъ древнихъ

и новыхъ писателей, и вообще Десби-
щасливо и съ должною крапко-^{льонъ.}
спію имъ обработаны; писаны
Латинскими стихами.

HOMINES DUO, CAECUS ALTER, ALTER
CLAUDUS.

Duo, caecus alter, alter autem debilis
Dextro pede, homines ad vadum devenerant
Formidolosum: restiterunt: audii,
Caecus ait, isti, quod quidem nunc admones
Obstare, non temere esse credendum vado.
Hinc namque et illinc graminea, quam tu vides,
Specie lutosas obtegi voragines;
In quas, nisi usque media teneatur via,
Facillimum esse deprimi, vestigio
Fallente, mergique. Ergo utroque lumine
Privatus, haud me his ausim aquis committere.
Neque ego mehercule, inquit claudus, hoc pede
Uno adiuvente, nec satis stabili, neque
Satis expedito, hanc aggredi viam velim.
Sed humeri fortes tibi sunt; et oculis ego
Clare videntibus utor: imponi tuae
Cervici me sine; gradientem dirigam.
Assentit ille: sic vadum, quod uterlibet
Solus nequisset sine periculo ingredi,
Tuti simul ope mutua ambo transeunt.

Ad omne spectat fabula humanum genus.

LEO ET RANA.

Десви- Valde loquacem cum ranam audisset leo,
 льонъ. Timuit, et aliquod esse magnum animal putans,
 Retro se vertit: at mox e stagno videt
 Ranam exeuntem, quam indignans calcit pede.
 Inicere falsos fortibus animis metus
 Periculosum quam sit, exemplum hoc probat.

Балди Балди Бернардинъ родился
 Италі- въ Урбинѣ 1553. Былъ Аббатъ Гва-
 анскій. спальскій, басни его похожи бо-
 лѣе на описанія и примѣры — и
 не совсѣмъ удачно изобрѣщены.
 Крисцембени переложилъ ихъ въ
 Италіанскіе стихи, которые на-
 печатаны въ Римѣ 1702. — Балди
 былъ весьма трудолюбивый чело-
 вѣкъ; зналъ 16 разныхъ языковъ,
 и особливое употреблялъ раченіе
 въ изученіи восточныхъ. Онъ на-
 чаль было Историческое и Геогра-
 фическое описаніе свѣта во всѣхъ
 его частяхъ; но не имѣлъ време-
 ни окончить обширнаго сего со-
 чиненія. Умеръ 1617.

IL FICO E IL MANDORLO.

Diceva il Mandorlo al Fico: onde viene, che fra Балди. tutti gli altri alberi, che nell' autunno fanno frutti, tu solo nella primavera non hai fiori? A cui il Fico: per non far come te, che spesso di primavera fiorisci, per non fruttificar nell' autunno.

Dà preceſto alla Gioventù, acciòche prima del tempo non tenti far pompa di ſapere.

LA SICILIA, E NETTUNO.

La Sicilia facta iſtanza à Nettuno di ricopgiungersi con l' Italia; à cui diſſe il Dio: tu ſei pazza, non ſapendo, quanto ſia meglio l' eſſer picciol capo, che gran piede.

Moſtra, che è meglio eſſer Signor povero che Seruo ricco.

Подъ именемъ Петра Тарги Повеси находился Ипаліянскій писатель Тарга. 16 стол. Цезарь Павеси, родомъ изъ Аквилы, оставилъ 150 стихотворныхъ басенъ, коихъ содержанія взяты изъ разныхъ древнихъ баснописцевъ. Расказъ басенъ его довольно легокъ и разнообразенъ, но нравоученія утешительны.

LA FORMICA E LA CICALA.

Павеси. D. la fame e dal freddo afflitta e stanca
 A lento passo la Cicala arriva
 A la Formica, e poi tra morta e viva
 Narra, come à lei forza e cibo manca;
 E prega ch' hor, che per la neve è bianca
 La terra, lei, ch' al buon tempo nudriva,
 Non voglia di soccorso esserle schiava:
 Che ben morte vicina hora l'imbianca.
 E la Formica: La passata estate,
 Ch' io faticava l'un e l'altra spalla
 Per condur l'esca, e tu di dove stavi?
 Dilettava io cantando alle brigate
 Satolla e lieta. Ed ella: (e non ti gravi
 Che far lo puoi) digiuna, e lieve hor balla.
 Ne l'April di tua età pensa al Gennaio.

Фердицотти. *Гіованни Маріо Фердицотти,*
 монахъ изъ Венеціи, жилъ въ по-
 ловинѣ 16 стол. написалъ кромѣ
 многихъ разныхъ стихотвореній
 100 басенъ стихами; коихъ со-
 держанія почерпнулъ онъ изъ дре-
 внихъ и новыхъ Греческихъ и Рим-
 скихъ писателей, и онъ такъ же,
 а особливо, въ иравоученіяхъ тя-
 желы.

IL LEONE, L'ASINO, E LA VOLPE.

Il possente Leon, l'astuta Volpe
 E'l semplice Asinel venner d'accorde

D'esser compagni, e divider tra loro
Quel che ciascun di lor prendesse in caccia.
E fatto un giorno assai copioso preda,
E sendo à l'Asinel toccato in sorte
Il far le parti del commun guadagno
Il tutto giustamente in tre divise:
Perchè ciascun il suo dovere havesse.
Ma il superbo Leon questo vedendo
Arse nel cor tutto di rabbia e sdegno;
E'l miser divisor tosto accusando
D'iniquità, d'inganno, e di malizia,
Lacerò tutto, e con vorace brama
Ne saziò la scelerata fame.
Poi volto in atto furibondo e fiero
A la Volpe, che attonita mirava
Quel caso strano, e di nequizia pieno,
Con parlar orgoglioso le commesse,
Che in giuste parti dividesse il tutto.
Ond' ella accorta da l'altrui ruina
Quasi tutta la preda in un raccolse,
Per farla del Leone debita parte;
E presen tolla à la superba fiera,
E poco più di nulla à se ritenne.
Allor l'altiero d'allegrezza pieno
Le disse: Ove, sorella, hai così bene
Appresa del divider la ragione,
Che con tanta dottrina hor m'hai dimostro?
A cui l'astuta umilmente rispose:
De l'Asino lo strazio, e'l tristo fine
Dato m'hà de le leggi la dottrina,
Ch'è ben partir quel, ch'è comune, insegna;
E m'hà fatto legista in un momento.
Così l'uom spesso à l'altrui spese impara

Ферми-
цонни.

Ферди- Nelle occorrenze perigliose e strane
цотши. Il ritrovar la via di sua salute
Senza tema di biasmo, ò d'alcun danno.
Si vuoi del tuo mestier cavar guadagno,
D'un tuo maggiore non ti far compagno.

Робер-
ти.

Мархезій Роберти оставилъ
3 собранія Езоповыхъ басенъ, изъ
коихъ первое, безъ имени, а послѣ-
днія издалъ онъ подъ принятымъ
именемъ *Василія Граціоза*. Предъ
каждымъ находится разсужденіе
о теоріи басенъ. Онъ по большой
части сунъ щасливый подража-
нія Фредру. Въ новѣйшемъ изданіи
находятся нѣкоторыя и его изо-
брѣшенія.

IL GATTO, E IL FORMAGGIO.

Col teso orecchio il timido gastaldo
Nell' unta sua dispensa un rumor ode,
E s'accorge che un sorcio ingordo e baldo
Da un buco entrato con secreta frode
Per esercizio del suo dente saldo,
Un marzolin pinguissimo si rode; e saggio
Chiude entro il Gatto, e il Gatto prode
Uccise il topo, e poi mangiò il Formaggio.

Un avido Alleato talor noce
Più che il nemico torbido e feroce.

Донъ Лорензо Пигнотти, о-Пигно-
дунъ изъ славнѣйшихъ Италіян-тти.
скихъ баснописцевъ, котораго ба-
сни показались съ шрема стихо-
творными описаніями: 5 изданія
1785 года, въ Луккѣ въ 8ю долю.
Онъ опъ часпи собственнаго его
вымысла; а опъ часпи подража-
нія Французскимъ и Англіискимъ
стихотворцамъ. Очень пріятны,
по легкости писанія и стихосло-
женія.

I PROGETTISTI.

— — — *Quid frustra simulacra fugacia captas?*
Quod petis, est nusquam; quod amas, avertere,
perdes.

OVID.

Ad onta dei Filosofi
Che l'umana ragione onoran tanto
Di doti sì ammirande,
Il numero de' pazzi è molto grande.
V'han de' pazzi insolenti,
V'han de' pazzi innocenti:
V'han de' pazzi furiosi,
Ch'esser denno legati;
V'han de' pazzi graziosi,
Che vanno accarezzati,
Che senza alzar le mani
Con detti, e fatti strani,

Пигно-
мпи.

E coll' umor giocondo
Diverton tutto il mondo.
Ora fra questo numero
Più piacevoli pazzi io non ho visti
Di quei che son chiamati i Progettisti.
Chi senza uscir di camera,
Dall' agil fantasia portato a volo
Scorre per l' oceano
Dall' uno all' altro polo,
Senza timor del vento,
E torna a casa ricco in un momento.
Chi un canal va scavando,
Chi uno stagno asciugando,
Chi stabilisce in queste parti e in quelle,
Colonie, arti novelle.
Chi un istmo romper vuole,
E con non altre spese
Che di poche parole
Arrichisce un paese:
Per costoro sia detta
Questa mia favoletta.

Visse di Costantino

Nella ricca Cittade
Un Turco di cervel non molto fino,
Che per fin dalla culla
Altro non fe che il placido mestiere
Di mangiare e di bere, e non far nulla.
Ma morto il di lui Padre, fu finita
Così commoda vita,
E bisognò trovare
Qualche via di campare.
Il buono Ali (ch' era così chiamato)
Col denaro assai scarso ritrovato

Nella cassa paterua
Deliberò di divenir mercante,
E tutto il suo contante
In vetri egli impiegò: questi in un ampia
Paniera tutti pose,
E in vendita li espose;
Davanti a lor s'assise, e mentre intanto
Compratori attendea,
Questi bei sogni entro di se volgea:

Io questi vetri il doppio venderò;
Di quel che mi costaro,
Onde il denaro mio raddopierò;
E nella stessa guisa
E comprando, e vendendo,
Potrò per breve strada e non fallace
Crescere il capital, quanto mi piace.
Ricco allor divenuto
Lascerrò di vetrajo il mestier vile;
Un legno mercantile
Io condurrò sin nell' Egitto, e poi
Ritornerrò fra noi
Con preziosi merci; e già mi sembra
Di mia nave al ritorno
D'esser fatto il più ricco mercatante
Che si trovi in Levante.
Acquistati i tesori,
S'han da cercar gli onori;
Onde lasciata allor la mercatura
Un Bassà da tre code
Esser creato io voglio:
E se pieno d'orgoglio
Il visir Mustafà
Negar a me volesse

Питого-
чию

Пьеро-
мми.

Si bella dignità,
Ricordati, direi,
Chi fosti e non chi sei!
Di me più vil nascesti --- e se superbo
Negasse ancor --- su quell' indegna faccia
Scaricherei colla sdegnosa mano
Di mia vendetta un colpo,
E in quell' informe ventre smisurato
Un calcio tirerei da disperato.

Il disgraziato Alì cotanto viva
S'era tinta la scena e così vera,
Che urtò col piè furioso,
E rovesciò sul suol la sua paniera,
E con un calcio solo in un momento
Tutte gettò le sue speranze al vento.

§ 12.

Ла-
Фон-
тенъ.
Фран-
цуз-
скій.

Между новыми баснописцами, Иванъ де ла Фонтенъ, родившійся въ 1621 а умершій въ 1695 году, дѣлаетъ эпоху преобразования Кзоповыхъ басенъ, украсивши оныя многоразличными пріятными цвѣтами стихотворства. Ему въ особенности приличенъ собственнй его оборотъ (манеръ) коимъ онъ до того достигнулъ, что не только Французами, но всѣми Ев-

ропейцами почитается за класси-ла. ческаго писателя, не смотря что Ф он- современники почитали его болѣ шень. просымымъ человѣкомъ, нежели великимъ баснопворцемъ. Онъ природою не слишкомъ былъ одаренъ, былъ безпеченъ, задумчивъ, не- ловокъ, говорилъ нескладно, лег- ковѣренъ, — но нравъ имѣлъ крот- кій. Говорятъ: что Лафоншенъ выслушавъ однажды Мальтербову оду, почувствовалъ вдохновеніе Аполлона и принялся писать, а до того ничего не значилъ, ибо да- же былъ худо обученъ въ моло- дости. И такъ Мальтербъ причи- ною теперешней его славы — Но за то, какая честь и слава Маль- тербу! — Онъ можетъ своими ода- ми вселять въ души другихъ вдо- хновеніе Музъ!

LE RENARD ET LA CICOGNE.

Compere le Renard se mit un jour en frais,
Et retint à diner commere la Cicogne.
Le regal fut petit, et sans beaucoup d'appêts;
Le Galant pour toute besogne
Avoit un brouet clair, (il vivoit chichement),

Ла-Фон-менъ. Ce brouet fut par lui servi sur une assiette.
 La Cicogne au long bec n'en put attraper miette;
 Et le drôle eut lapé le tout en un moment.
 Pour se venger de cette tromperie
 A quelque tems de là la Cicogne le prie.
 Volontiers, lui dit-il; car avec mes amis
 Je ne fais point cérémonie.
 A l'heure dite il courut au logis
 De la Cicogne son hôtesse,
 Loua très fort sa politesse,
 Trouva le dîner cuit à point.
 Bon apétit surtout; renards n'en manquent point.
 Il se rejouissoit à l'odeur de la viande,
 Mise en menus morceaux, et qu'il croyoit friande.
 On servit, pour l'embarrasser,
 En un vase à long col, et d'étroite embouchure.
 Le bec de la Cicogne y pouvoit bien passer,
 Mais le museau du Sire étoit d'autre mesure.
 Il lui falut à jeun retourner au logis,
 Honteux comme un Renard qu'une poule auroit
 pris,
 Serrant la queue, et portant bas l'oreille.
 Trompeurs, c'est pour vous que j'écris;
 Attendez-vous à la pareille.

Ла-Монтъ. Годартъ де ла-Монтъ ро-
 дился 1672. умеръ 1731 года. Пло-
 довиный и по различнымъ сочине-
 ниямъ не недостойный стихотво-
 рець. Хотя басни его гораздо у-
 снувають баснямъ его предше-

свиенника, далеко опходятъ отъ Ла-
простоты Езоповой; но примѣча-^{Монтез}
тельны по искусству и ученымъ
знаніямъ. Иногда удаются ему
собственные его изобрѣшенія. Онъ
былъ современникъ Волтера и Бап-
тиста Русса. Оставилъ 100 ба-
сенъ.

L'HOMME INSTRUIT DE SON DESTIN.

Un homme avoit un jour obtenu du Destin,
Que de son avenir il lui fit confidence.

Au livre de la providence

Il lut donc tout son sort, ses progrès, et sa fin.

Parmi de menus faits, de grandes aventures

Se déployerent à ses yeux.

Il devoit être Roi, puissant et glorieux,

Et puis captif, et puis mourir dans les tortures.

Ces révolutions sont le plaisir des Dieux.

De tous ces objets quelle idée

Occupe désormais mon pauvre curieux!

Sa mort le suit par tout, son ame intimidée

La souffre à toute heure, en tous lieux.

Le Roi futur, que la frayeur consume,

Se voit dans son affreux chagrin,

Esclave comme Montezume, *a)*

Grillé comme Gualimosin. *b)*

a) Empereur de Mexique, fait prisonnier par Fer-
nand Cortez Espagnol, qui conquiert son royaume.

b) Successeur de Montezume qu'on mit sur un
brasier, pour lui faire avouer, où étoit son or.

Ла- Ah, par pitié, grands Dieux, ôtez-moi cet image,
Моминъ S'écria-t-il. Ses vœux sont exaucés.
Il ne voit plus la mort ni l'esclavage;
Dans son esprit ce sont traits effacés.
Le voilà donc qui voit en perspective
Le sceptre absolu qui l'attend:
En est-il mieux? le croyez vous content?
L'impatience la plus vive
Lui fait un siècle d'un instant.
Quelque faveur que le ciel lui deploye,
Tout est insipide pour lui;
Où les autres mourroient de joye
Ce Roi fut séché d'ennui.
Ciel, cria-t-il encor, retranchez les années
Qui me separant de mon bien,
Hâtez mes grandes destinées;
Hors de-là je ne goûte rien.
Ca, dit le sort, malgré ton imprudence
Je ferai mieux que tu ne veux.
C'en est fait tu va être heureux;
Je te rends à ton ignorance.
Bon lot! bien à propos tout homme en fut pourvû;
Sans cela notre impatience
Feroit un mal d'un bien prévu
Et le mal nous tueroit d'avance.

Рихеръ Не безъ доспоинства и не безъ
натуральнаго изъясненія и ща-
спливаго представленія, суть ба-
сни Генриха Рихера, родившагося

въ 1685, а умершаго, въ 1748 году. Рихеръ
Но менѣе удачны вымыслы сего
стихотворца, и выведенныя изъ
оныхъ нравоученія.

LE HIBOU, L'ALOUETTE, ET LE PAON.

Le Chat-huant disoit un jour aux Oisillons :
Que vous me paraissez avoir la tête folle !
Vous tournez à tout vent. Venez à mon école ;
Je puis vous donner des leçons ;
Pallas m'enseigna la sagesse,
Je suis son oiseau favori ;
Je veux vous faire part de ce présent cheri ;
A votre sort la pitié m'intéresse.
Votre légèreté vous cause bien de maux ;
Mais pour votre bonheur acquérez la prudence.
Une Alouette oïoit avec impatience
Ce Pedagogue des oiseaux.
Vous ferez mieux de m'écouter, dit-elle.
Je sçais une chanson nouvelle,
Dont l'harmonie et la douceur
Vaudront bien les leçons de Monsieur le Docteur.
Je donne tous les biens en inspirant la joye ;
Et pour vous rendre heureux c'est la plus courte
voye.
Alors un Paon s'écrie : Oiseaux, ne croyez pas
Ce Hibou, ni cette Chanteuse.
Chansons, moralités sont de la viande creuse.
Voulez vous vivre heureux ? Suivez plutôt mes pas.
Je vous invite à prendre un bon repas
Dans une basse cour qui n'est pas écartée.
Le blé, l'orge, le mil, tous grains y sont à tas.

Рихеръ Cette harangue fut goûtée;
Il ne resta pas un seul oisillon,
Pour ouïr le Hibou, ni la jeune Alouette;
On suivit l'oiseau de Junon.

Le Philosophe et le Poete
Pensent-ils arrêter le Vulgaire glouton?
Abus; l'un chante envain, l'autre envain moralise.
Le Vulgaire toujours court où la nape est mise.

Ле-Нобль. Нынѣ меньше всѣхъ чинаемый
баснописецъ Французскій есть
Евстахій Ле-Нобль Генераль-Про-
куроръ Мѣсцаго Парламента ро-
дившійся 1643; а умершій 1711 го-
да. Но при всемъ томъ онъ имѣлъ
ощутимый разумъ, поступки его
не соответствовали громкой его
фамилии, и надписи, которую онъ
самъ себѣ оставилъ, и посему не
однажды гостилъ въ тюрьмѣ;
жилъ безпорядочно и расточитель-
но всю свою жизнь, которую
кончилъ въ бѣдности. Надлежа-
ло бы такъ случиться, чтобы
Сенш-Северинскій приходъ похоро-
нилъ на свой щотъ ле-Нобля,
который доставилъ болѣе ста ты-

сячь рублей, его Типографщикамъ ^{Ле-} своими сочиненіями! Вошь его над- ^{Нобль} пись къ своему портрету, на Ла- шинскомъ языкѣ оставленная.

Nobilitas si clara dedit nomengue genusque;

Clarior ingenio, nobiliorque micat.

Invida fortunae sic spernes tela malignae:

Per scopulos virtus saepius astra petit.

То естъ:

Хотя знаменитое благородство доставило родъ и имя; однакожь благородіе и славіе сдѣ- лался онь по разуму; и такъ ненадобно спра- шивъсь ненавистныхъ спрѣлъ злобной Фортуны; когда добродѣтель гораздо чаще чрезъ терніе воз- вышается къ небесамъ.

DU RENARD ET DU CORBEAU.

Oh! la dangereuse fumée,

Que celle d'un encens flatteur!

Malheur, malheur à ceux, dont l'ame est affamée

D'un mets si doux, si séducteur!

Le corbeau le plus fort en devient imbécile,

Il n'en peut soutenir la traîtresse vapeur;

Et l'on ne trouve point de route plus facile,

Pour entrer dans un foible cœur.

Colas étant un jour de retour du pillage,

Colas, ce glouton de Corbeau,

Tenoit dans son bec un fromage,

Et se percha sur un ormeau.

Л е- Par les croassemens, dont il marquoit sa joie;
Нобль. Un Rénard attiré sous l'arbre se planta,
Et jettant les yeux sur la proie,
De tout son coeur la convoita.
Renard de tout tems par nature
A fait son plaisir d'excroquer,
Et lorsqu'il rencontre pâture,
Il n'est pas bête à la manquer.
Pour une tête moins que la sienne subtile
Il eût été fort difficile
D'arracher du bec de l'oiseau
Si bon morceau.
Mais le drôle étoit trop habile.
Charmant et genereux Corbeau,
Dit-il, sage Nestor, que ton plumage est beau
Sous les plis de la robe noire
Aubin, le jeune Aubin, épris d'un fol amour,
Avec moins d'éclat et de gloire
Se montre aux yeux de la Candour.
Le Jais auprès de toi n'a qu'un noir sombre et triste,
L'aigle a moins de courage et les yeux moins perçans;
Et si de tes vertus, qui ravissent mes sens,
Je voulois te faire la liste,
Il me faudroit plus de dix ans.
Sur tout tes admirables chants
Sur les airs du fameux Batiste *)
L'ont, à ce qu'on m'a dit, emporté de tout tems.
Oui, croi-moi, sur tous ces talens
C'est ta belle voix qui m'enchanté,

*) Jean Baptiste Luller, fameux Compositeur de
Musique.

Elle passe à mon gré le Luth, le Flageolet;

Ah! que j'aurois l'ame contente,

Si tu m'en fredonnois seulement un couplet!

Ainsi parloit le fin Compère,

Et c'étoit justement par contreverité,

Louer Frobert d'être sincère,

Le vieux Lubin de probité,

Cadmus, de n'être point de soi-même entêté,

Nasica, d'être prompt au rapport d'une affaire,

Et d'avoir sur toute matière

Une haute capacité.

Mais de l'encens trompeur, dont son ame est char-
mée,

Le Corbeau gobe la fumée,

Et croiant égaler du moins un Rossignol,

Pour croasser dans son ramage

D'un Opéra moderne un amoureux passage

Il ouvre son bec en bé mol.

Mais en même tems le fromage

Echape, et le Renard, prompt à le ramasser,

L'avale, et rit du personnage,

Qui s'est ainsi laissé sottement amuser.

Ле-
Нобль.

Очень ялововитый и во мно-Доратъ
гихъ, особливо мѣлкихъ спихо-
твореніяхъ, пріятный поэтъ но-
ваго времени, былъ Клавдій, Го-
сифѣ, Доратѣ, умершій въ 1780
году. Въ его басняхъ, или фило-

Дорать софскихъ его Аллегоріяхъ, какъ онъ самъ онѣя называетъ — не легко узнаюпся ему приличный духъ, легкость въ мысляхъ и выраженія, ему одному ствойственныя; отъ чего басни его неопличное мѣсто занимають между его швореніями. Многія басни суть далекія подражанія Лессингу, какъ онъ самъ признается о томъ въ предисловіи.

LA CHOUETTE.

Un Homme erroit sur les décombres
D'un vieux Palais tout ruiné,
Repaire aux brigands destiné,
Et digne de loger des ombres.
Mon curieux, foulant quelques debris,
Vit, à deux pas, une Chouette,
Qui, s'élançant de sa retraite,
Se jetta sur une souris,
Et sans pitié devora la grisette.
Quoi, dit-il, un oiseau penseur,
Dont la mine est si grave, et qui doit être sage,
Quoi! l'oiseau de Minerve, être ainsi destructeur,
Choisir sa proie en un si bas étage,
Croquer le menu-peuple, et prétendre à l'honneur!
Je ne sais pas, d'où vient tu m'apostrophes,
Dit le sinistre oiseau. Tout penseur que je suis,

Il faut que je vive--- et je vis.
D'après cela, pauvres souris,
Craignez les Oiseaux philosophes.

Аббатъ Иванъ Людовикъ Ау-Ау-бертъ род. въ 1731; а умеръ 1776 ^{бертъ.}
году. Принадлежитъ къ щастливѣйшимъ подражателемъ Лафонтеновымъ, только тонъ его шутивѣе и философскій. Вездѣ примѣнно живое остроуміе и удачное повѣствованіе.

LA MERLE.

D'un bois fort écarté les divers habitans,
Animaux, la plupart sauvages, mal-faisans,
De l'homme ignoroient l'existence.
Nos semblables jamais ne pénétrèrent là.
Un merle en un couvent élevé dès l'enfance,
En voyageant au loin parvint à ces gens-là.
Il étoit beau parleur, et sortoit d'une cage,
Où merle de tout tems apprit à s'énoncer
En jeune oiseau dévot et sage.
Son zèle, dans ce bois, eut de quoi s'exercer.
Eclairons, disoit-il, nos freres misérables :
Tout merle, à ce devoir par état engagé,
Plus éclairé, plus saint, doit prêcher ses semblables,
Un jour donc notre oiseau, sur un arbre perché,
Harangua vivement les plus considérables
Entre ces animaux, à son gré si coupables.
Nouveau missionnaire, il suoit en prêchant.

A y- D'abord on ne comprit son discours qu'avec peine;
бермь. Il parloit d'un être puissant,

Qu'il nommoit Homme, ayant l'Univers pour do-
maine,

Sachant tout, et pouvant, s'ils ne s'apprivoisoient,
Détruire par le feu toute leur race entière.

Ours, tigres, sangliers étoient là qui bâilloient:
Mais à ce dernier trait ils dressaient la crinière.

Le Merle, profitant d'un instant précieux,
S'agite, entre en fureur, et déploie à leurs yeux

Les grands traits de l'art oratoire.

(Eschine en ses discours montrait moins d'action;)

On dit qu'il arracha des pleurs à l'auditoire.

Dans le bois, chacun songe à sa conversion

Et tremble d'encourir la vengeance de l'homme.

Sur ce nouveau roi, qu'on leur nomme,

Au docteur Merle ils font cent questions.

L'homme est, répondoit-il, doué par la nature

De toutes les perfections.

Il a donc une belle hure?

Dit le pore, en l'interrompant.

Sans doute qu'il reçût une trompe en partage?

Reprit à son tour l'éléphant.

Le tigre prétendoit, qu'il devoit faire rage

Avec ses griffes et ses dents;

Et l'ours, qu'entre ses bras il étouffoit les gens.

Les foibles s'en formoient des images pareilles,

Et pensoient le donner d'attributs assez beaux,

Le cerf, en lui donnant des jambes de fuseaux,

Et l'âne, de longues oreilles.

Tout ce, qui nous ressemble, est parfait à nos yeux,

D'après leurs traits grossiers, leur instinct vicieux,

Ces animaux peignoient les hommes.
Et vils insectes que nous sommes,
A notre image aussi notre orgueil peint les Dieux.

А у-
берштъ.

Бартелеми Имберт родился Им-
въ 1747 во многихъ родахъ сочи- берштъ.
неніи прославившійся; но въ по-
вѣствовательномъ плодовиѣйшій
и извѣстный стихопворецъ. Пер-
вою своею піэсою *le Jugement de*
Paris обратилъ на себя вниманіе
всѣхъ, яко и ожиданіе. Изобрѣ-
щеніе содержанія басни, рѣже при-
надлежишь ему, нежели ея лег-
кость сказа, только-сказъ
иногда бываетъ непочень, и не
всегда приличень.

LE LION JUGE

Un vieux Lion se fit dévot,
Comme le diable un jour se fit hermite.
Si sa cour le devint bientôt?
Cela s'entend. La vertu favorite
Du courtisan, c'est l'art de passer dans autrui
Et de prendre en tout sa manière.
Que le Prince tousse aujourd'hui,
Dès demain une cour entière
Va s'enrhumer, pour tousser avec lui:
Temoins les courtisans du lion de ma fable.

И м-
сермъ.

On les voyoit d'un air soumis, affable,
Les yeux baissés, marcher à petit pas,
Préchant la continence de l'humeur dévotable,
Et querellant toujours les plaisirs d'ici bas.
On n'arrivoit au ciel qu'à travers mille peines.
Quelques ours d'un cilice enveloppoient leur peau,
Et plus d'un loup, l'effroi de maint troupeau,
Se distingua par des neuvaines.
Y gagnoit-on d'avoir changé?
Je ne sais : mais vice pour vice,
J'aime assez quelque part qu'il se trouve logé,
Que le scandale m'avertisse.
Cela dit en passant ; revenons au lion.
A tous ses courtisans, sa majesté sauvage
Ordonne un jour, jour de devotion,
Qu'on s'en aille en pèleriage
Sur le tombeau de l'un de ses ayeux.
De son vivant, toujours chaste et pieux,
En un mot, un saint personnage.
La cour s'en alloit donc en tristes vêtemens,
En gros bourdon, en collerette,
Comme on voit s'avancer des pieux Musulmans
Vers le tombeau du saint Prophète ;
Lorsqu'un loup sur la route apperçut un mouton,
Qui loin de son berger trottoit sur la verdure :
Le pèlerin, moins devout que glouton,
Ne pouvant de son ventre appaiser le murmure,
L'attrape, et vous l'étrangle. On l'arrête soudain,
Lorsqu'il alloit l'engloutir dans son sein ;
Et comme un hérétique, un impie, un profane,
Monstre, qu'on eût dû voir en naissant étouffé,
On le présente au Roi, qui d'abord le condamne
À faire les honneurs d'un bel *Auto da fê*.

Quoi! tuer, dit le prince, un jour de pénitence! И м-
Manger un jour de jeûne! Oh! le monstre! à la *бертъ*.
mort!

Sire, ai-je dû m'attendre à pareille sentence?

Dit l'accusé: quel est mon sort!

Quand j'ai vu ce mouton, être fort inutile

Dans les états, où vous donnez la loi,

Aussitôt pensant à mon roi,

J'avois pour son sôuper tué cet imbecile.

Il est encor entier. — Oh! oh! c'étoit pour moi?

Oui, Sire. — Eh! suspendez! hola! plus de suppli-
ces,

Il est bon patriote, et fidèle sujet;

De Conseiller d'Etat qu'on lui donne un brevet,

Pour payer ses heureux services.

Tels jugemens sont communs aujourd'hui.

L'homme, à son équité, lorsque rien ne s'oppose,

Sur le code reçu, juge fort bien autrui.

Voit-il son intérêt se mêler à la cause;

Il se fait un code pour lui.

Одно изъ новѣйшихъ собраній Дидотъ
басень въ Французскихъ спихахъ,
находится собраніе *Дидота* стар-
шаго сына достойнаго Типограф-
щика Франц: Амбр. Дидота, ко-
торый басни сіи, какъ равномѣр-
но многія другія шворенія Фран-
цузскихъ спихопворцовъ съ ошлѣ-
чнымъ искусствомъ напечаталъ въ
1786 году, въ 12 долю.

Дидошъ

LA COURSE DE CHEVAUX.

Juste milieu que l'on ignore,
Qu'en tout la raison a placé,
Tel depuis long-tems t'a passé
Qui pour t'attraper court encore.
Trois chevaux forts, et souples du jarret
De taille égale et de même encolure,
Ensemble un jour firent une gageure
A qui plutôt au but arriveroit.
Il étoit loin ; mais ils étoient agiles,
Et se flattoient, par des moyens divers,
De parcourir le plutôt trente milles :
Deux cependant s'y prirent de travers.
Impatient, l'un hennit et s'agite,
Et sans laisser la trace de ses pas,
Au signal tout-a coup il s'échappe au plus vite ;
Le second part au trot, et le troisieme au pas.
Celui-ci prétendoit, qu'en restant en arriere
Il les auroit incontinent trouvés
Sur le chemin fatigués ou crevés ;
Et toujours à son pas poursuivait sa carrière.
Pour le second, qui ne partit qu'au trot,
Il alla loin sans joindre son confrere,
Et cependant ne se pressa pas trop :
Il savoit bien, que l'excès est contraire.
Enfin, enfin, ayant long-tems couru,
Il le trouva de fatigue abattu,
Languissamment étendu sur la terre.
Notre essoufflé l'entend, reprend vigueur ;
Mais il ne peut rejoindre le trotteur,
Qui jusqu'au bout conserva son allure,
Toucha le but, et gagna la gageure.
L'heureux vainqueur, par son succès,
Leur prouva ce trait de morale :

Qu'il faut savoir tenir entre les deux excès
Le milieu le plus juste et la balance égale.

Дидотъ

Окончимъ Французскихъ ба-фло-
снописцевъ любезнымъ и пріят-ріанъ.
нымъ писателемъ *Флоріаномъ*,
у котораго между прочими со-
чиненіями извѣстны басни, кои
можеть быть ни чуть не усту-
пятъ Лафоншеновымъ, и кошо-
рыя можеть быть однѣ, мо-
гутъ состязаться съ баснями Ла-
фоншена (*). Тотъ же манеръ, ша-
ловкость, ша живость въ карпи-
нахъ. — Флоріана не совсѣмъ можно
почестъ подражателемъ Лафон-
шену, ибо естли бы Лафоншенъ
жилъ послѣ Флоріана, то при-
нужденъ бы былъ подражать Фло-
ріану, такъ они сближаются
другъ съ другомъ.

(*) Здѣсь разумѣть должно только Французскіе
басни; ибо въ одной землѣ найдется басно-
писецъ, не уступающій Лафоншену, и сей
баснописецъ. . . . но увидите ниже.

Фло-
ріанъ.

LES SINGES ET LE LEOPARD.

Des singes dans un bois jouoient à la main chaude;

Certaine guenon mauricaude,

Assise gravement, tenoit sur ses genoux

La tête de celui qui, courbant son échine,

Sur sa main recevoit les coups.

On frappoit fort, et puis devine!

Il ne devinoit point; c'étoit alors des ris,

Des sauts, des gambades, des cris.

Attiré par le bruit du fond de sa tanière.

Un jeune léopard, prince assez débonnaire,

Se présente au milieu de nos singes joyeux.

Tout tremble à son aspect. Continuez vos jeux,

Leur dit le léopard, je n'en veux à personne:

Rassurez-vous, j'ai l'ame bonne;

Et je viens même ici, comme particulier.

A vos plaisirs m'associer.

Jouons, je suis de la partie.

Ah! monseigneur, quelle bonté!

Quoi! votre altesse veut, quittant sa dignité.

Descendre jusqu'à nous! — Ohi, c'est ma fantaisie.

Mon altesse eut toujours de la philosophie,

Et sait que tous les animaux

Sont égaux.

Jouons donc, mes amis, jouons, je vous en prie.

Les singes enchantés crurent à ce discours,

Comme l'on y croira toujours.

Toutte la troupe joviale

Se remet à jouer: un d'entre eux tend la main,

Le léopard frappe, et soudain

On voit couler du sang sous la griffe royale.

Le singe cette fois devina qui frappoit;

Mais il s'en alla sans le dire.
Ses compagnons faisoient semblant de rire,
Et le léopard seul rioit.
Bientôt chacun s'excuse, et s'échappe à la hâte
En se disant entre leurs dents :
Ne jouons point avec les grands ;
Le plus doux a toujours des griffes à la patte.

Фло-
ріанъ.

Теперь приступимъ къ Анг-
линскимъ баснопворцамъ.

§ 13.

Каковъ у Французовъ Ла-Фон-Гай Ан-
шенъ, таковъ у Англичанъ *Іонъ*<sup>глин-
скій.</sup>
Гай, одинъ изъ ихъ пріятнѣй-
шихъ стихопворцевъ, который
съ 1688 процвѣталъ по 1732 годъ.
Его басни состоящія изъ двухъ
часней, изъ коихъ вторая почти
вся содержишь политическія ма-
теріи, показались: первая 1726; а
вторая уже по его смерти, и объ-
съ сего времени часто перепеча-
тывались. Онъ (какъ Іонсонъ о-
чень справедливо примѣчаетъ)
суть, болѣе повѣствованія и Ал-
легоріи, изъ коихъ нѣкопорымъ

Гай. — не доспаетъ нравоученія, нежели такъ называемыя басни. Но между тѣмъ онѣ живо расказаны, щастливо представлены и съ хорошимъ стихосложеніемъ. — Воопъ какъ онъ зывается о славѣ омъ Гаѣ, извѣстный. Еще буртъ въ своемъ собраніи при мѣровѣ, касающихся къ Теоріи и Литтературѣ изящныхъ наукъ. И такъ не только позволено въ судѣ Мейнерса усумниться, какой онъ дѣлаетъ великому сему баснотворцу; но можно прибавить, что Г. Мейнерсъ жестокой надъ нимъ производитъ приговоръ, объясняясь такимъ образомъ. „Вразсужденіи басни, Англичанѣ всѣхъ скуднѣе, даже Гай можетъ равняться съ Нѣмецкими баснотворцами только второй степени (*) дабы болѣе зашипить Гая и оправдать свое сомнѣніе въ разсужденіи Г. Мейнер-

(*) Смолр. втор. часть главнаго начертанія Теоріи и Исторіи изящныхъ наукъ. Стр. 263. Русскаго перевода.

са, слѣдуетъ здѣсь баснь Гя, съ Гай.
сужденіемъ объ ней Майнерса,
и вторая чаша пелямъ болѣе дока-
жетъ несравненное искусство Ан-
глинскаго баснотворца, нежели
всѣ мои похвалы. Вотъ она, но
только ослабленная моимъ пере-
водомъ и въ началѣ перемѣнена.

Книгопродавецъ и Слоно.

Зашелъ слонъ мудрый въ книжную лавку.

Зачемъ? — не книги ли читать!...

Когда не вѣрите, извольте сдѣлать справку,

Изъ Бори, Плинія, вы можете узнать,

Сколько въ древности слоны учены были

Они по Гречески читали — говорили

И славились большимъ умомъ!

На шесть слонова просвѣщенія

Во мнѣ ни мало нѣтъ сомнѣнія —

И въ наши времена Французскимъ языкомъ

Премножество звѣрей болтаютъ.

И хорошо языкъ Французскій понимаютъ

Сороки галки и грачи

Легавы, мопсы, и борзья

И попугаи толкачи

Фидельки, шавки и другія,

Извольте такъ языкъ Французскій понимать,

Что думаю наврядъ,

Съ звѣрьками сими сговарятъ, —

И наши барыни нима!

Гай.

За чѣмъ же сомнѣваться намъ,
На Плинія не полагаешься,
Что мудрымъ будто бы слонамъ.
По Гречески не можно было изъясняться? —
На шестъ учености слона
Когда чашатель мой увѣренъ
Я басню продолжаю намѣренъ

И вотъ она: (*)

Слонъ описаніе живописныхъ описавши,
И со вниманьемъ прочитавши,
Съ начала долго хохоталъ,
Потомъ такъ книжнику сказалъ:

„Лишь человекъ, краса вселенной!

По утвержденію писателя сего

Умомъ одинъ лишь одаренный.

А въ прочихъ звѣряхъ нѣтъ его.

Но естли вникнемъ въ сочиненье,

Какъ сочинитель судишь въ немъ,

То можно сдѣлать заключенье

Пренеошибочное въ томъ:

Что авторъ самъ ниже умомъ,

Ниже инстинктомъ управлялся,

Которымъ насъ онъ всѣхъ дарилъ.

И можноль, чтобы томъ и самъ не заблуждался.

И могъ бы начертить

Всѣхъ тварей свойства справедливо, —

Что собственну свою натуру знаешь живо.

Смотрише: какъ онъ описалъ

Поспѣльную собачку ложно.

Ахъ! сколько при дворахъ ей поучиться должно!

Далеко отъ дворовъ собакій родъ отсталъ!

(*) Теперь слѣдуетъ Гаева басня. Онъ въ при-
ступъ говоритъ о путешественникахъ.

А хитростямъ лисы кто спячень удивляться! Гай.

Ну можешь ли она съ приказными равняться?

Она передъ крючкомъ

Осель, осломъ.

Льва, шигра, леопарда, волка

За кровожадность всѣ кланушъ.

И тушъ,

У автора не много шолка.

Какъ будшо люди межъ собой

Живушъ душой одной!

Добычею другъ другу не бываюшъ?

Подобно имъ они другъ друга умерщвляютъ.

Хозяинъ книгъ ошъ зшихъ словъ

Пришелъ въ такое умиленье —

Онъ предъ слономъ былъ пасъ готовъ.

Чтобъ изъяснить ему почтение,

Онъ скинулъ шляпу — къ мудрецу

Съ улыбкой ангела подходишъ

И разговоръ такой заводишъ

Какой приличенъ лишь купцу:

Ахъ государь милостивѣйшій!

Ужъ какъ меня бѣ ты одолжилъ,

Когда бы коммуитаріей элѣйшій

На что нибудь ты сочинилъ,

Или изъ Греческой книжонки,

Нельзя ли что нибудь издашь?

Ябъ вамъ хороши далъ деньжонки,

Опнюдъ не спалъ бы прижимать.

Въ насмѣшку слонъ книгопродавцу

Наморщивъ длинный хоботъ свой,

Такъ ошѣчалъ сему мерзавцу:

Мнѣ нѣту нужды никакой

Въ твоихъ деньгахъ, приятель мой.

Гай. Храни ихъ для себя, да лучше будь умнѣе.
Пустьъ люди, на людей свой изливаютьъ ядъ,
Въ нихъ зависть дѣйствуетъ силенѣе
Чѣмъ ожиданіе награды.

Вопъ какъ изъясняется Г.
Мейнерсъ объ этой басни: *не уло-*
миная о колкомъ противъ людей
расположеніи сей басни, всякъ по-
чувствуетъ, что слону по Грече-
ски читать, дѣлать сравненіе
между людьми и звѣрьми, и и-
мѣть такіе переговоры съ кни-
гопродавцемъ вовсе не возможно.
Сія слова (ежели позволятъ сдѣ-
лать скромное замѣчаніе) неспра-
вѣдливы, и даже смѣю сказать —
неопредѣлительны; ибо ихъ мож-
но приноровить ко всякой басни.
Какую не возьмемъ баснь, вездѣ
найдемъ говорящаго или человѣка
съ животноымъ, или съ неодуше-
вленной вещію, или животное
съ животноымъ и т. дал. Но кро-
мѣ человѣка никто не одаренъ
способностію говорить; а посему
прочимъ шварямъ (не упоминаю

уже о вещахъ) *вовсе* *перегово-* Гай.
ровъ *имѣть* *невозможно*. И въ раз-
сужденіи колкости прошивъ лю-
дей находящейся въ сей басни, не
можно съ мнѣніемъ Г. Мейнера
согласиться. Ибо когда уже поз-
волено живописнымъ говоришь въ
басняхъ — и говорить, иногда ум-
но, иногда протопельно, шушли-
во и проч. смотря по обстоятель-
ствамъ. — То для чего же запре-
щать имъ, выражаться рѣзко, или
колко? Мнѣ кажется можно до-
пустить, чѣмъ звѣри въ бас-
няхъ излагали даже каніповы ка-
тегоріи; можно позволишь имъ,
чѣмъ они читали и писали! Ибо,
когда мы читаемъ баснь, то ни-
кто изъ насъ не думаетъ, что
подлинно *на пр.* Лисица увиваетъ
Льву. Всегда разумѣемъ мы *людей*;
а людямъ философствовать, чи-
тать, колко говорить и писать
очень естественво и свойственво.

Денисъ М жду Англискими басно-
пворцами извъспны еще: *Карлъ*
Денисъ; (котораго не должно смѣ-
шивашь съ славнымъ стихопвор-
цемъ и криптикомъ Иономъ Дени-
сомъ) но онъ далеко опспушаетъ
опъ Гая, по посредспвенности да-
рованій.

THE FOX AND THE GRAPES.

A Fox once chanc'd some grapes to spy,
Plump, luscious, tempting to the eye,
And much he long'd some few to munch;
But by ill luck they hung so high,
He could not reach a bunch.
At which he cried, quite in a huff,
I would not leave a hair in pledge,
For a whole bushel of this stuff;
No need to taste, the sight 's enough:
Their very looks have set my teeth an edge,
Whenever an attempt proves vain,
As well to sneer, as to complain.

Мооръ. Извъспенъ такъ же и *Эдвардъ*
Мооръ, коего басни Г. Вейссе перс-
велъ на Нѣмецкій азыкъ прозою.

THE GOOSE AND THE SWANS.

I hate the face, however fair,
That carries an affected air,
The lisping tone, the shape constrain'd,
The studied look, the passion feign'd,
Are fopperies, which only tend
To injure, what they strive to mend.

Moopz.

With what superior grace enchants
The face, which Nature's pencil paints,
Where eyes, unexercis'd in art
Glow with the meaning of the heart,
Where freedom and good humour sit,
And easy gaiety and wit!
Tho' perfect beauty be not there,
The master lines, the finish'd air,
We catch from ev'ry look delight,
And grow enamour'd at the sight:
For beauty, tho' we all approve,
Excites our wonder more than love,
While the agreeable strikes sure,
And gives the wounds, we cannot cure.

Why then, my Amoret! this care,
That forms you in effect less fair?
If Nature on your cheek bestows
A bloom that emulates the rose,
Or from some heav'nly image drew
A form, Apelles never knew,
Your ill-judg'd aid will you impart,
And spoil by meretricious art?
Or had you, Nature's error, come
Abortive from the mother's womb,
Your forming care she still rejects,
Which only heightens her defects.

Moopъ. When such, of glittering jewels proud,
Still press the foremost in the crowd,
At every publick show are seen,
With look awry and awkward mien,
The gaudy dress attracts the eye,
And magnifies deformity.

Nature may underdo her part,
But seldom wants the help of art:
Trust her, she is your surest friend,
Nor made your form for you to mend.

A Goose affected, empty: vain,
The shrillest of the cackling train,
With proud and elevated crest
Precedence claim'd above the rest.

Says she, „I laugh at human race,
„Who say, Geese hobble in their pace;
„Look here! the stand'rous lie detect;
„Not haughty man is so erect.
„That peacock yonder, Lord! how vain
„The creature is of his gaudy train!
„If both were stript, I'd pawn my word,
„A Goose would be the finer bird.
„Nature, to hide her own defects,
„Her bungled work with finery decks;
„Weere Geese set off with half that show,
„Would men admire the peacock? No.“

Thus vaunting cross the mead she stalks,
The cackling breed attend her walks;
The sun shot down his noontide beams,
The Swans wers sporting in the streams;
Their snowy plumes and stately pride

Provok'd her spleen: „Why there,“ she cry'd,
„Again what arrogance we see!

„Those creatures! how they mimick me!
„Shall ev'ry fowl the waters skim,
„Because we Geese are known to swim?
„H'mility they soon shall learn,
„And their own emptiness discern.“

So saying, with extended wings
Lightly upon the wave she springs,
Her bosom swells, she spreads her plumes,
And the Swan's stately crest assumes,
Contempt and mockery ensues,
And bursts of laughter shook the flood.

A Swan superiour to the rest
Sprung forth, and thus the fool address:

„Conceited thing! elate with pride,
„Thy affectation all deride;
„These airs thy awkwardness impart,
„And shew thee plainly as thou art.
„Among thy equals of the flock
„Thou hadst escap'd the publick mock;
„And, as thy parts to good conduce.
„Been deem'd an honest hobbling Goose.“

Learn hence to study wisdom's rules;
Know, fopp'ry is the pride of fools;
And striving Nature to conceal,
You only her defects reveal.

Много предположенной краш-
костп нашей, помѣшалъ намъ Гай,
славный ба нописецъ Англіи; те-
перь приступимъ къ Нѣмецкимъ
писателямъ.

Бонеръ
Нѣмец-
кій,

Бонеръ, такъ назывался сочи-
нитель, такъ называемыхъ басень
опъ временъ der Minnesinger, а
не такъ, какъ Готтшведъ и Швей-
царскіе издатели его называ-
ють т. е. *Риденбергомъ* или
Ринденбергомъ. О его жизни до
сихъ поръ никакого не найдено
извѣстія. Басни его заслуживаютъ
все вниманіе, не смотря на дре-
вность слога.

VOM UNWERTHEN AMT.

Von einem Bischof liest man das,
Dass er in hohen Ehren saß;
Gelehrter Pfaffen hett er viel,
Sein Wirdigkeit was ohn Ziel.
Nun hett er einen Jüngling,
Einen Schüler kundig auf alle Ding,
Bei einem, das was seines Vettern Kind,
Des was der Bischof gar geminnt. 1)
Er hett auch einen weisen Mann
Zu Erzpriester gesetzt hintan. 2)
Nun fügt es sich auf einen Tag,
Dass der Erzpriester siech lag,
Und also siech was, dass er starb;

1) Den hatte der Bischof sehr lieb. 2) angesetzt.

Der Jüngling um das Ampt warb
 Der Bischof thet als er begert,
 Doch des Amptes was er unwerth.
 Darnach nicht lange ward gespart, 3)
 Dem Bischof gesendet ward
 Ein Korb, was guter Birnen voll;
 Des danket er dem Boten wohl.
 Gar lieb war ihm dieß Gesandt. 4)
 Zu den Seinen sprach er zuhand: 5)
 Wem mag ich getrauen wohl,
 Der mir der Birn hüten soll?
 Würde mir der Birn eine verlorn,
 Das wär mir nit ein kleiner Zorn. 6)
 Zu dem Jünglinge sprach er do;
 Mich dünkt, du seyst zu dünn 7) dazu.
 Der Birn ich dir getrauen soll?
 Ein bessern Hüter find' ich wohl.
 Ich fürcht, gäb' ich dir den Gewalt,
 Sie würden gessen ungezählt. 8)
 Ich will mit nichten der Birne dir
 Getrauen, das gelaube mir!
 Diese Rede hört ein weiser Mann.
 Mit Ernst sah er den Bischof an.
 Er sprach: nun erbarm es Gott.
 Dafs Ihr begangen habt den Spott, 9)
 Dafs Ihr befohlen habt mancherhand
 Dem, der Euch was bekannt,
 Sein Kindheit und sein Jugend,

3) verfloß nicht lange Zeit. 4) dieß zugesandte Geschenk. 5) sogleich. 6) kein kleiner Verdruß. 7) zu unzuverlässig. 8) ungezählt. 9) das schimpfliche Vergehen.

Бонеръ Davon Ihr immer muget

Ungemach haben und Leid.

Dem Ihr die Birnen habt verseit, 10)

Der soll der Seele Pfleger wesen? 11)

Wie mag denn genesen

Das Schaf, so der Wolf zum Hirten wird

Und auf der Strafe wird verirrt?

Wo der Blinde führen soll

Den Blinden, fallen sie beide wohl.

Die Schafe gar verirret sind,

Wenn zu einem Hirten wird ein Kind.

Wie berichtet 12) der einen Mann,

Der sich selber nicht berichten kann?

Wie mag der gespeisen wohl,

Der da immer wird voll,

Und lebt in steter Geitigkeit? 13)

Zu scheeren sind alle bereit.

Speisten sie die Schaf also gern, 14)

Als wohl sie die Schaf können scheern:

Die Schaf stünden dester bafs. 15)

Nun geht ihr arger List auf das, 16)

Wie die Schaf werden geschoren.

Ob die Seele wird verloren,

Darauf haben sie versorget gar. 17)

Sie achten nit wie ihr Seel gefahr.

Der weise Bischof der befahl

Dem Jungen der Seelen ohne Zahl,

Und wollt ihm befehlen nicht

10) versagt. 11) seyn. 12) weist der Jemand zu-
rechte. 13) Geiz, Habsucht. 14) eben so gern.
15) desto besser. 16) ihr seid sehr vorsich-
tig darüber. 17) tragen sie gar keine Sorge.

Die Birnen! Das noch oft geschieht,
Dafs der Seelen hüten soll,
Dem man über ein Birn nit getrauet wohl.

Бонеръ

Буркараѣ, Вальдисѣ монахъ Бур-
жившій въ половинѣ 16 стол. ос-карль
тавилъ 400 басень, ошъ части Валь-
Езоповыхъ, ошъ части новыхъ и дисъ.
другихъ писателѣй въ 4 книгахъ.
Хотя древній, но достопримѣча-
тельный стихотворецъ. Любопы-
тные могутъ сравнить нѣкопы-
рѣяго басни, съ баснями Геллер-
та, а особливо *Юношу Лжеца*, ко-
торый такъ хорошо описанъ и у
насъ извѣстнымъ *Крыловымъ*.

VOM LUEGENHAFTTEN JUENGLING.

Sich zu versuchen ein junger Knab
Weit hin in fremde Land' begab,
Dafs er viel sähe, hört' mancherlei,
War aus ungefähr ein Jahr, zwei, drei;
Als er nun wieder heim hin kam,
Sein Vater ihn einst mit sich nahm,
Dafs er Gesellschaft hätt' und Kurzweil, 1)
Zu einer Stadt über zwei Meil.
Da schwatzten sie von mancherhanden; 2)

1) Zeitvertreib. 2) von allerlei.

Бур- Der Vater fragt, was er in Landen
 кардъ Von Wunder gsehn und seltsam Thier.
 Валь- Er sprach, Vater, nun glaubet mir,
 дисъ. Am Meer zu Lissabon im Sund
 Sah ich so gar ein großen Hund,
 Der ward geschätzt viel Tausend werth;
 Und war viel größer denn ein Pferd.
 Der Vater b'gunt 3) die Lügen merken;
 Sprach, hab bei allen geschaffnen Werken
 Detsgleich nicht gsehn, gehört, noch gelesen;
 Es ist ein großer Hund gewesen.
 Doch findt man gar viel seltsam Stücken.
 Gleich wie da vor uns ist ein' Brücken;
 Wer des Tags hat ein' Lüg' gelogen,
 Und kommt daselbst hinüber gezogen,
 Sey selbender oder allein,
 Mitten auf der Brücke bricht ein Bein.
 Der Knab' erschrak, wollt' doch nicht gern
 Ein Lügner seyn, der Ehr, entbehren.
 Begab sich über ein' ebne Weil,
 Sprach: Vater, wollet nicht so eil'n;
 Sagt mir auch etwan seltsam Schwänk'?
 Er sprach, des Hund's ich noch gedenk,
 Der ist gewesen ohne Moß. 4)
 Er sprach, er war nicht also groß;
 Wenn ich die Wahrheit sagen soll,
 Wie sonst ein Esel war er wohl.
 Da b'gunten sie der Brücke nahen.
 Er sprach, ich kann mich nicht entschlahen 5)
 Der G'danken dieses Hundes halb;
 Sprach, er war wie ein jährig Kalb.

3) heng an. 4) ohne Maafs. 5) nicht erwehren.

Sie giengen fort bis um Mittag,	Бур- ⁷
Und dafs die Brück' da vor ihn'n lag.	кардъ
Der Knab' sprach, wollt Euch nicht bekümmern;	Валь-
Ich kann Euch zwar verhalten immer	дисъ-
<i>Den Schwank, den ich Euch vom Hunde sagt,</i>	
Damit Ihr mich nicht weiter fragt:	
Er war gleich wie ein andrer Hund;	
Denn 6) dafs er um und um war bunt	
Und scheckicht über seinen Rücken.	
Er sprach, so ist euch diese Brücken	
Gar nicht schädlicher denn die andern;	
Magst wohl unb'schädigt drüber wandern.	
Allcin hüt dich ein andermal;	
Wenn du willst lügen, b'denk dich wohl,	
Dafs du also gar krumb nicht draifst, 7)	
Dafs du es auch zu fidern 8) weifst.	

Wer sich aufs Singen soll begeben,
Der mufs nicht allzu hoch anheben,
Dafs ers auch kann zum End' ausschreien.
Also, wem's Lügen will gedeihen,
Der mufs nicht nauf in d' Wolken treiben,
Hienieden bei der Erden bleiben.
Sonst gehts ihm wie dem Edelmann,
Der nahm sich grofser Lügen an,
Zeugt 9) mit sein Knecht, der bei ihm war,
Ders ihm verjah 10) ganz und gar,
Damit der Junker blieb bei Ehren.
Als er nun thät die Lüg' vermehren,

6) Aufser, dafs. 7) drehest. 8) zu verantworten. 9)
rief ihn zum Zeugen. 10) bekräftigt.

Бур-
кардъ
Валь-
дисъ.

Und log von Lüften und den Winden,
Drauf konnt' der Knecht kein' Antwort finden,
Und sprach zum Junker: Nicht also!
Wollt Ihr Eurs Lügens werden froh,
So bleib' hienieden bei der Erden,
Auf das Euch mög' geholfen werden.
Denn wenn Ihr's allzu grob wollt spinnen,
Werd't Ihr's zuletzt nich sedmen 11) können.

Фонъ
Гаге-
дорнъ.

Между прочими услугами, ка-
кія оказалъ *Фридрихъ фонъ Га-
гедорнъ* Нѣмецкой словесности,
жившій съ 1708 по 1754 годъ, по
большой части въ Гамбургѣ, оп-
личаются и его басни. Манеръ его
по большой части Лафонтенев-
ской, а многія басни его изо-
брѣтенія. Въ обоихъ случаяхъ
имѣлъ онъ много и своего ориги-
нальнаго. Онъ имѣлъ дарованіе сое-
динять поученіе съ любезностію
и шуткою. Прославлялъ по пере-
мѣнно любовь и добродѣтель, ви-
но и мудрость.

11) einfädeln.

DER FUCHS UND DER BOCK.

Einst reiste Meister Fuchs zu seinem Schwäger,	Фонъ
Im schwülen Sommer über Feld;	Гаре-
Es hatte sich zu ihm der Ziegenbock gesellt,	доруъ.
Der dumm und sicher war, wie viele Hörnerträger.	

Ein Abweg führte sie vor eines Pächters Haus,
Da ward ihr ihren Durst ein Schöpfbrunn angetroffen.

Hier tranken beyderseits. Das heiß ich recht gesoffen!

Hub Reinke bellend an; und zum vollkommenen Schmaus

Fehlt nur ein feister Hahn: der Hühnerstall steht offen;

Wie aber kömmt man hier heraus?

Mein Herr! darf ich den Anschlag geben,

So stellen Sie den Rücken hin;

Sobald ich aus dem Brunnen bin,

Ists Ihrem Diener leicht, Sie schuldigst nachzuziehen!

Ha! meckerte der Bock: nichts kann gescheidter seyn.

Bey meinem Bart! mir fiel der Streich nicht ein.

Die klugen Köpfe sollen leben!

Hierauf bequemt er sich, und dienet ihm zur Brücke;

Allein der Fuchs läßt seinen Freund zurücke,

Und sagt: Voritz entschuldge mich;

Mein Schwager wartet schon; sonst wollt ich bey dir bleiben.

Dort jene Zinge guckt auf dich,

Sie wird dir unterdies die Zeit recht wohl vertreiben.

господинъ, который сочиняетъ Гел-
такія прекрасныя басни. А какъ ^{лершъ}
Теллертъ отвѣчалъ, что это онъ;
тогда крестьянинъ, съ великою
радоспю предложилъ ему при-
нять дрова, которые привезъ онъ
собственно для него въ знакъ бла-
годарности и за то удовольствіе,
какое доставило ему чтеніе его
басенъ. Король Прусскій всегда оп-
зывался объ немъ съ почтеніемъ,
и въ одномъ изъ своихъ писемъ
описалъ его справедливо, называя
его весьма любезнымъ человѣкомъ,
чистосердечнымъ, тихимъ и пр-
отважнымъ философомъ и пр-
басни его и письма переведены
на Французскій и ожидаютъ луч-
шаго перевода на Россійскій, не-
жели каковъ есть у насъ.

DER JÜNGLING UND DER GREIS.

Wie fang ichs an, um mich empor zu schwingen?

Fragt einst ein Jüngling einen Greis.

Der Mittel, fieng er an, um es recht hoch zu brin-
gen,

Sind zwei, bis drei, so viel ich weiß.

Seid tapfer! Mancher ist gestiegen,

Гел- Weil er entschlossen in Gefahr,
лортъ. Ein Feind von Ruh und von Vergnügen;
 Und durstig nach der Ehre war.
 Seid weise, Sohn! den Niedrigsten auf Erden
 Ists oft durch Witz und durch Verstand geglückt,
 Am Hofe groß, groß in der Stadt zu werden;
 Zu beiden macht man sich durch Zeit und Fleiß
 geschickt.
 Dieß sind die Mittel großer Seelen.
 „Doch sind sie schwer. Ich wills Ihm nicht ver-
 heelen,
 „Ich habe leichtere gehofft.“
 Gut, sprach der Greis, wollt Ihr ein leichtres
 wählen:
 So seid ein Narr; auch Narren steigen oft.

Лих-
тверъ.

Магнусъ Готфридъ Лихтверъ
 род. въ 1719 а умер. въ Гальбершта-
 тѣ 1783, содержанія нѣкоторыхъ
 его басенъ довольно щастливы,
 пріятны и занимательны; но тонъ
 его не всегда ровень; и по боль-
 шой части утомителенъ. Сіе по-
 будило Профессора Рамлера снова
 издать и исправить его басни,
 что Лихтверу не показалось и за-
 ставило его самому пересмо-
 трѣть и издать еще разъ, съ но-
 выми и удачными поправками.

DIE SELTSAMEN MENSCHEN.

Ein Mann, der in der Welt sich trefflich umge- Лих-
sehn, шверъ.

Kam endlich heim von seiner Reise.

Die Freunde liefen schaarenweise.

Und grüßten ihren Freund; so pflegt es zu ge-
schehn;

Da hieß es allemal: Uns freut von ganzer Seele
Dich hier zu sehn; und nun - Erzähle!

Was ward da nicht erzählt! — Hört, sprach er
einst, ihr wißt,

Wie weit von unsrer Stadt zu den Huronen ist.

Elf hundert Meilen hinter ihnen

Sind Menschen, die mir seltsam schienen.

Sie sitzen oft bis in die Nacht

Beysammen fest auf Einer Stelle,

Und denken nicht an Gott noch Hölle.

Da wird kein Tisch gedeckt, kein Mund wird nafs
gemacht;

Es könnten um sie her die Donnerkeile blitzen,

Zwey Heer' im Kampfe stehn; sollt' auch der Him-
mel schon

Mit Krachen seinen Einfall drohn,

Sie blieben ungestöret sitzen;

Denn sie sind taub und stumm. Doch läßt sich
dann und wann

Ein halbgebrochener Laut aus ihrem Munde hören,

Der nicht zusammenhängt, und wenig sagen kann,

Ob sie die Augen schon darüber oft verkehren.

Man sah mich oft erstaunt zu ihrer Seite stehen;

Denn, wenn dergleichen Ding geschieht,

So pflegt man öfters hinzugehen,

Dafs man die Leute sitzen sieht.

выми мыслями, изобрѣшеніемъ Глеймъ
и живыми представленіями.

DIE BIENE.

Eine kleine Biene flog
Emsig hin und her, und sog
Süßigkeit aus allen Blumen.
Bienchen, spricht die Gärtnerin,
Die sie bei der Arbeit trifft,
Manche Blume hat doch Gift;
Und du saugst aus allen Blumen?
Ja, sagt sie zur Gärtnerin,
Ja, das Gift laß' ich darin.

Готгольдъ Ефраимъ Лессингъ Лес-
род. 1729 а ум. 1781 библіотекаръ ^{сингъ.}
Вольфенбитальскій славенъ яко
писатель басенъ и теоріи объ
оныхъ. Басни его остроумны и
отличаются краткостію и лег-
ко выводеннымъ нравоученіемъ.
Онѣ раздѣлены на 3 части, изъ
коихъ вторая содержишь обра-
ботанные имъ примѣры древнихъ
Нѣмецкихъ басенъ. Онъ писалъ
ихъ прозою.

ZEVS UND DAS PFERD.

Лес-
сингъ. Vater der Thiere und Menschen! so sprach
das Pferd, und nahte sich dem Throne des Zevs;
man will, ich sei eins der schönsten Geschöpfe,
womit du die Welt geziert hast; und meine Eigen-
liebe heisst mich es glauben. Aber sollte gleichwol
nicht noch verschiedenes an mir zu bessern sein? —

Und was meinst du denn, dass an dir zu bes-
sern sei? Rede; ich nehme Lehre an: sprach der
gute Gott, und lächelte.

Vielleicht, sprach das Pferd weiter, würde ich
flüchtiger sein, wenn meine Beine höher und
schmächtiger wären; ein langer Schwanenhals wür-
de mich nicht verstellen; eine breitere Brust würde
meine Stärke vermehren; und da du mich doch ein-
mal bestimmt hast, deinen Liebling, den Menschen,
zu tragen, so könnte mir ja wohl der Sattel aner-
schaffen sein, den mir der wohlthätige Reuter auf-
legt.

Gut, versetzte Zevs; gedulde dich einen Augen-
blick! — Zevs, mit ernstem Gesichte, sprach das
Wort der Schöpfung. Da quoll Leben in den Staub;
da verband sich organisirter Stoff; und plötzlich
stand vor dem Throne — das hässliche Kameel.

Das Pferd sah, schauderte und zitterte vor ent-
setzendem Abscheu.

Hier sind höhere und schmächtigere Beine,
sprach Zevs; hier ist ein langer Schwanenhals; hier
ist eine breitere Brust; hier ist der anerschaffne
Sattel! Willst du, Pferd, dass ich dich so umbilden
soll?

Das Pferd zitterte noch.

Geh, fuhr Zevs fort; dießmal sei belehrt, ohne Лес-
бѣстрафт zu werden. Dich deiner Vermessenheit aber сингъ
dann und wann renend zu erinnern, so daure du
fort, neues Geschöpf! — Zevs warf einen erhalten-
den Blick auf das Kameel — und das Pferd erblicke
dich nie, ohne zu schaudern!

Обезьяна и Лисица.

Назови мнѣ хоть одного извѣст-
наго звѣря, которому бы я не въ си-
лахъ была подражать. Такъ хвалилась
обезьяна предъ лисицею. Лисица отвѣ-
чала ей: а ты мнѣ назови хотя какого
нибудь изъ звѣрей, которому бы при-
шло на мысль тебѣ послѣдовать. Пи-
сатели соотечественные! — долженъ
ли я еще болѣе изъясниться?

Иоганъ, Адольфъ Шлегель, Шле-
Суперинпенденецъ и Консиспориентъ.
Совѣтникъ въ Ганноверѣ родился
въ 1721 году. По многимъ сочине-
ніямъ извѣстнѣйшій писатель,
отличенъ по своему духу и вкусу.
Басни его по большей части были
помѣщены въ періодическихъ со-
чиненіяхъ; но послѣ имъ пере-
смотрены и достойнымъ его дру-

Шле- гомъ Г. Совѣшникомъ Гершнеромъ
гель. изданы въ Брауншвейгѣ.

DIE KRAHE.

Als eine Kräh einst ihr Gefieder
Mit Pfauenfedern ausgeschmückt,
Besah sie sich, von sich entzückt,
Und hiefs die Pfauen ihre Brüder,
Und mischte stolz in ihre Schaar sich ein,
Und glaubte schon, der Juno Pfau zu sein,
Die Pfauen sahen dies, beraubten ihr Gefieder
Des Schmucks, den sie geborgt, und mit ihm aller
Pracht.

Der kaum gewordne Pfau ward eine Krähe wieder,
Und selbst von Schwalben ausgelacht.

Als einst ein Reimer seine Lieder
Mit fremder Kühnheit ausgeschmückt,
Besang er sich, von sich entzückt,
Und hiefs die Dichter seine Brüder.
Er drängte stolz in ihre Zunft sich ein,
Und dünkте sich ein Haller schon zu sein.
Die Dichter sahen dies, beraubten seine Lieder
Des Witzes, den er stahl. Wo war nun seine Pracht?
Der neue Haller ward ein seichter Reimer wieder,
Und selbst von Dunsen ausgelacht.

Миха- Первый опытъ трудовъ, споль
елись. рано умершаго достойнаго стихо-
творца *Иоганна Веніамина Ми-
хаелиса* род: 1747 а умер. въ
1772 году были его басни, пѣсни

и сатиры. Басни его написаны во Миклаушъ Геллерповомъ, ихъ опличились. шельная черпа соспойшъ въ лег-кихъ и пріяшныхъ оборотахъ и въ свободномъ изложёнии.

DER BAUER UNTER DER EICHE.

Ein Bauer wanderte, sein Essen zu genießen,
Dem Schatten eines Eichbaums zu:
Und jähnte schon bei jedem Bissen
Recht herzlich nach der Mittagsruh.
Gewohnt von Jugend auf zu zänkischen Gedanken
That lang ihm schon sein gnädiger Herr nicht recht,
Oft predigte der Pfarr zu schlecht:
Jetzt aber kam ihm ein, einmal mit Gott zu zanken.
Gelegenheit war da!

Er sah die Eicheln an.

Da steht nun, rief er aus, und überschlug die Ar-
men,

Ist das nicht ewig zu erbarmen!

Da steht nun so ein Baum der Kirchen tragen kann:
Und hier und da ein Nüßgen dran.

Allein, mein Blut, man darf nichts sagen;

Denn sagt man was, so gehts an ein Verklagen;

Da nimmt der Superdient gar artig uns herum,

Und schreibt wohl gar ins Consistorium.

Nur schieb ich jeden ins Gewissen

Ob sich ein Kürbs zum Stengel schickt.

Ich sehs bei mir: die meisten sind zerknickt —

Das hätt mir anders werden müssen!

Gerade umgekehrt! — Hier sollten Kürbse sein!

Er sprach und jähnt und schlummert ein.

Вилла-
мовъ. Zum Unglück stiefs ein Nordwind in die Eiche:
Und eine kleine Eichel traf
Derb unsern Bauer auf den Schlaf.
Hilf Himmel! fuhr er auf, und fühlte nach dem
Streiche —
Ist das ein Schmerz! — was hab ich Thor ge-
dacht?
Wenns nun ein Kürbs gewesen wäre? —
Verzeich mirs Gott! und ewig sei ihm Ehre!
Denn er hat alles wohl gemacht.

Вилла-
мовъ. Равно и сѣпихопворецъ *Иоганъ*
Готлибъ Вилламовъ къ сожалѣнію
Нѣмецкой поэзіи и въ особенності
лирической равновременно сконча-
чался. Онъ былъ у насъ въ Пепер-
бургѣ Профессоромъ, жилъ съ
1776 по 1778 годъ. Басни его пред-
сданы въ видѣ разговоровъ и
отличны тѣмъ, что дѣйствующіе
въ нихъ лица сами говорятъ,
и сочинитель ни одного не приво-
дитъ своего замѣчанія и ни гдѣ
самъ не рассказываетъ. Но баснь его:
кошка, старая и молодая мыши,
имѣетъ значительную ошибку
въ заключеніи, и ошибку такую,
чрезъ которую теряется досто-

инство всей басни. Вотъ въ Виλλα-
чемъ состоить извѣстная баснь ^{мовъ.}
сія, въ нѣкоторыхъ Россійскихъ
азбукахъ напечатанная: кошка у-
говариваетъ маленькаго мышенка
подойти къ себѣ, обѣщаетъ дать
ему разныхъ лакомствъ. Мыше-
нокъ колеблется, но наконецъ пре-
зря всѣ совѣты старой мыши ма-
тери, идетъ къ кошке и достойно
наказывается ею. И мать состои-
ческою холодностію, совѣмъ ей
неприличною, произноситъ двое-
стишіе, коего содержаніе состо-
итъ въ томъ что *теперь поздно*
раскаиватся, когда нещастіе
постигло; кто не слушаетъ совѣ-
товъ, не долженъ надѣяться на по-
мощь. Такія слова въ устахъ ма-
тери не натуральны и принужден-
ны. Развѣ только одна спартан-
ская мышъ, глядя на спраданіе
своего мышонка, въ состояніи про-
изнести такое философическое
наставленіе не у мѣста?

Вилла- DIE KATZE. DIE ALTE MAUS. DIE JUNGE
МОВЪ. MAUS.

Katze.

Du allerliebste~~s~~ kleines Thier!
Komm doch ein wenig her zu mir.
Ich bin dir gar zu gut. Komm, daß ich dich nur
küsse.

Alte Maus.

Ich rathe dir, Kind, gehe nicht!

Katze.

So komm doch! Siehe, diese Nüsse
Sind alle dein, wenn ich dich Einmal kusse.

Junge Maus.

O Mutter, höre doch, wie sie so freundlich spricht;
Ich geh, . . .

Alte Maus.

Kind, gehe nicht!

Katze.

Auch dieses Zuckerbrot, und andre schöne Sachen
Geb' ich dir, wenn du kommst.

Junge Maus.

Was soll ich machen?

O Mutter, laß mich gehn.

Alte Maus.

Kind, sag' ich, gehe nicht!

Junge Maus.

Was wird sie mir denn thun? — Welch ehrliches
Gesicht!

Katze.

Komm, kleines Närrchen, komm!

Junge Maus.

Ach Mutter, hilf! ach weh!

Sie würgt mich! die Garstige!

Alte Maus.

Вилла-

Nun ist zu spät, nun dich das Unglück schon be-
troffen.

Wer sich nicht rathen läßt, hat Hülfe nicht zu
hoffen.

Фридрихъ Вильгельмъ Захаріе Заха-
род: 1727, а умеръ 1777, Профес-
соромъ въ Брауншвейгѣ, оставилъ
61 басню во вкусѣ *Буркарда Вал-*
диса. Онъ удачно помѣсилъ въ
своихъ басняхъ простоту сего
стихотворца, пріятность и ис-
кренность мыслей.

DIE SPINNE UND DAS PODAGRA.

Das Podagra und eine Spinne,
Geführt von ihrem Eigensinne,
Entschlossen sich, die Welt zu sehn,
Und Abentheuern nachzugehn,
Sie trafen unterwegs sich an,
Und grüßten sich da sie sich sahn,
So leicht, so artig und galant,
Als hätten sie sich längst gekannt.
Ich dachte, sprach das Podagra,
Wir setzten nach dem Dorfe da
Zusammen unsre Reise fort.
Es scheint ein wohlgelegner Ort,
Und sind Madam so müd als ich,
So wird uns beiden, sicherlich!
Jedwede Herberg, groß und klein,

3axa-
pie.

Auf diese Nacht willkommen sein.
Der Spinne war das eben recht:
Sie kamen an das Dorf. Geschwächt,
Hinfällig, kraftlos, und halb lahm,
Erlag das Podagra, und nahm
So bald als möglich, voll Begier,
Beim ersten Bauer das Quartier.
Die Spinne hielt sich für gescheidter,
Und nahm den Weg noch etwas weiter,
Bis zu des Edelmannes Haus;
Hier wählt sie einen Saal sich aus,
In welchem man mit großem Prachte,
Zu einem Gastmahl Anstalt machte.
Sogleich nahm sie nach ihrem Witz
Von einem Fensterrahm Besitz;
Hub an, mit eusigen Bestreben
Viel ihrer Fäden anzukleben:
Doch eh ihr Netz noch fertig war,
Nimmt eine Stubenmagd es wahr,
Die mit dem Besen drüber fährt,
Und unbarmherzig es zerstört.
Die Spinne hub von neuem an
Zu weben, wie sie erst gethan;
Da ward der Saal voll Herrn und Damen,
Mit denen viel Lakaien kamen.
Ein naseweiser Bursche sah
Der Spinne Netz, und rief: sieh da!
Was machst du hier? und stiefs so gleich
Den Huth quer durch ihr Fadenreich;
Die Spinne liefs sichs nicht verdrießen,
Und heftete mit muntern Füßen
Ihr hangend halb zerstörtes Nest
Zum drittenmal am Fenster fest.

Da trat ein junges Fräulein her,
 Das sah am Fenster ungefähr
 Die Spinne hangen, und schrie laut:
 Ach! Herr Baron, mir graut, mir graut!
 Und wies mit Schrecken auf die Spinne.
 Kaum ward der Herr Baron sie inne
 So zog er wie ein Held den Degen,
 Fieng an im-Netz herum zu fegen,
 So daß mit Noth die Spinn entkam
 Und aus dem Saal den Abschied nahm.

Закс-
 піе.

Dem Podagra gieng auch fast so,
 Es ward der Herberg wenig froh.
 Nachdem es lange gnug gesessen,
 Sprach es: ich möcht ein wenig essen!
 Der Bauer brachte trocken Brod,
 Zum Trunk dazu kalt Wasser bot;
 Dieß waren nach so langen Reisen
 Fürs Podagra sehr schlechte Speisen.
 Es aß nicht viel, trank kaum dazu,
 Und sprach betrübt: bringt mich zur Ruh!
 Da wies der Bauer ihm zum Bette
 Gar eine harte Lagerstätte,
 Worauf ein wenig Stroh nur lag.
 Hier lag es kläglich, bis der Tag
 Im Osten an zu grauen fieng,
 Und seufzend es von dannen gieng.

Es traf die Spinne wieder an,
 Die auch kein Auge zugethan,
 Und alle beide klagten sich,
 Wie elend und wie jämmerlich
 Sie beiderseits die vorge Nacht
 In Furcht und Sorgen zugebracht;
 Ich ach wohl wo der Knoten sitzt,

Заха-
піе.

Sprach drauf das Podagra, Dir nützt
Zum Aufenthalte kein Palast;
So wie ich niemals Ruh und Rast
Bei schlechten Bauern finden kann.
Drum geh du zu dem armen Mann,
Und ich will deinen Junker sehn,
So soll das Ding wohl besser gehn.

Diefs waren beide wohl zufrieden,
Und beide giengen nun verschieden
Den Weg so wie der Abend kam.
Das Podagra, voll Hoffnung, nahm
Zum Schloß des Junkers seinen Gang;
Und mit welch freudigem Empfang
Ward es von ihm nicht aufgenommen!
Kaum sah er es gehinket kommen:
So nahm ers höflich bei der Hand,
Führts in sein Zimmer; drinnen stand
Ein Sopha mit viel weichen Küssen,
Davon legt er ihm drei zu Füßen,
Und sprach: Ihr Gnaden fordern dreist
Was ihrem Gaum willkommen heist.
Drauf rief er seine Diener her;
Da ward der Tisch nicht einmal leer
Von Thee, und Kaffee, und Orsade,
Von Chokolat, und Limonade.
Alsdann ward von der Schüsseln Menge
Die große Tafel fast zu enge;
Da kam französisches Ragout
Weit umher dampfend nach Haut Gout,
Schön Rostbeef nach der Britten Art,
Und Austern mit, und ohne Bart;
Dann kamen Austern am Kapaun,
Dann Austern schön gebraten, braun;

Dann wieder Austern in Pasteten,
Dann Fisch mit Austern bis zum tödten;
Und schöne Braten vom Phazon,
Bis auf den feisten Ortolan.
Kurz! alles was die Schmausewelt
Für ächte Leckerbissen hält,
War so im Ueberflusse da,
Als wär es im Hammonia.
Die Weine? ja wer kann die zählen?
Gewiß! hier durfte keiner fehlen,
Vom Franzwein bis zum Vin de Cap;
So daß das Podagra so gar
Satt bis zum höchsten Ekel war.

Σα-
πύ.

Die Spinne trat zum armen Mann
Indefs auch ihre Wallfahrt an.
Sie fand bei ihm ein freies Leben,
Fieng an zu haspeln und zu weben
Nach Herzens Lust mit Füßen, Händen,
An Thüren, Fenstern, Balken, Wänden,
Und machte sich manch schönes Netz
Noch ihres Eigensinns Gesetz;
Rund, mit vielen Stralen, krumm und schief,
Gleich, ungleich, seltsam, flach und tief,
So herrschte sie im ganzen Haus,
Und Niemand stört, und trieb sie aus.

Als drauf die beiden Wanderer
Nach kurzer Zeit von ungefähr
Sich wiedersah: da rühmten beide,
Mit welcher wahren Lust und Freude
Ihr Leben nun versüßet sei.
Jedwedes blieb der Herberg treu;
Vergnügen war auf beiden Seiten.
Und so wohnt noch zu unsern Zeiten

Заха-
рѣе.

Die Spinne bei dem Armen gern,
Das Podagra bei großen Herrn.

Фонъ-
Нико-
лаи.

Въ началѣ показалось собраніе
стихотвореній въ 9 часпяхъ *Фонъ*
Николаи, кабинетъ Секретаря, род:
въ 1737 году. Въ семъ собраніи нахо-
дятся и басни легко и свободно на-
писанныя. Потомъ стихотворецъ
ославилъ сіи занятія и пустился
въ обширное поле Епического повѣ-
ствованія, гдѣ онъ съ великою
славою отличается.

DER RABE UND DIE EULE.

„Wann kömmt du doch aus deiner Höhle?
„Wann hören wir die Lieder deiner Kehle,
„Trübselig Stiefkind der Natur?“
Zur Eule sagte dieß der Rabe.
„Ich möchte wissen, was an solcher Kreatur
„Minerva wohl gefunden habe.“

Du zwingest mich, o Rabe, dir —
Erwiedert sie — zwei Gaben anzuzeigen,
Die liebt Minerva sehr an mir;
Allein, ich fand sie nicht an dir:
Ich kann im Finstern sehn, und schweigen.

Въ 1783 году въ 8 долю листа Пфелъ-
въ Базелъ вышедшїя басни Надвор-
наго Совѣтника *Конрада Гот-
тлиба Пфелля* род: 1736 года, и-
мѣютъ большое достоинство. Его
изобрѣшенія побольшой часи эпиг-
раматическія, отъ того басни
его начертаны рѣзко и живо изо-
бражены.

DAS JOHANNISWUERMCHEN.

Ein Johanniswürmchen saß,
Seines Sternenscheins
Unbewußt, im weichen Gras
Eines Bardenhains.

Leise kroch aus faulem Moos
Seine Nachbarin,
Eine Kröte, hin und schloß
All ihr Gift auf ihn.

Ach! was hab' ich dir gethan?
Rief der Wurm ihr zu.
Eil' fuhr ihn das Unthier an,
Warum glänzezt du?

DER SCHMETTERLING UND DIE BIENE.

Die Biene liefs den Schmetterling
Einst ihre fetten Speicher sehen.
Schön! rief der bunte Gast: doch muß ich dñ
gestehen,

Пфеф- Ich tauchte nicht mit dir. — Warum nicht? dum-
фель. mes Ding,
Was hast denn du? Laß sehn; wir wollen inven-
tiren;
Ich hab' ein volles Haus! — Und ich... nichts
zu verlieren.

Мей- Помѣстимъ, хотя здѣсь из-
снеръ. вѣстнаго Нѣмецкаго писателя
Мейснера, который подарилъ 6
книгъ заключающихъ въ себѣ 180
басень и заслуживающихъ все ува-
женіе. Онѣ совершенно написаны
для наставленія юношества; и
слѣдовательно соопвѣствуютъ
настоящей цѣли. Мейснера мож-
но назвать Нѣмецкимъ Езопомъ.
Басни его кратки, легкимъ сло-
гомъ написаны наставленія удач-
но выведены, а къ нѣкоторымъ
для лучшаго уразумѣнія юноше-
ству, приложены собственные его
небольшіе примѣры или повѣсти.

Пальма и Тыква.

На одномъ пальмовомъ деревѣ за-Мей-вилась тыква, и достигла чрезъ нѣ-снерь, сколько недѣль вершины ея. Чудно, — сказала она однажды; — ты растешь, какъ я, слышала, нѣсколько сотъ лѣтъ, а я менѣе, нежели во сто дней нагнала тебя. — Но ты однако — отвѣтствовала пальма, — столь же скоро и поблекнешь, сколь скоро выросла. Прежде еще наступленія зимы ты засохнешь. — Откуда ты сѣ знаешь, несчастная провозвѣстница? — Изъ опыта: ибо я, росшая долго, видала многія зимы, и около меня вились многія растѣнія такія же, какъ и ты, столь же суетныя, какъ и ты, и столь же скоро преходящи.

Не желай очень скорого возвышенія: чѣмъ скорѣе кто вверхъ восходитъ, тѣмъ больнѣе обыкновенно ушибается.

Молодой Графъ Честолюбовъ, сдѣлался вскорѣ любимцемъ Государевымъ, Тайнымъ Совѣтникомъ и Министромъ. Отъ чего происходитъ это, дядюшка, — спросилъ онъ нѣкогда бра-

Мей- та отца своего, заслуженного и въ го-
снеръ. сударственныхъ дѣлахъ посѣдѣвшаго
Совѣтника, — что вы шакъ отъ меня
отстали? —

Я опасаюсь, любезный племянникъ,
чтобъ вы не стали чрезъ короткое вре-
мя сожалѣть о томъ, что такъ скоро
восходили.

Старикъ сказалъ справедливо. По
прошествіи двухъ лѣтъ любимецъ
пришелъ въ немилость и сдѣлался
опять — ничѣмъ.

§. 15

Россій- Доселѣ занимали насъ инопле-
скіе ба- менные писатели — баснописцы,
снопис- теперь приступимъ къ своимъ. —
цы. Мы увидимъ, что наши припче-
творцы ни мало не уступаютъ
иностраннымъ; хотя и укоряютъ
насъ что мы еще во многихъ про-
изведеніяхъ имъ уступаемъ.

Нечаянно попалась мнѣ, на
нашемъ языкѣ небольшая книга
басень Езоповыхъ, съ описаніемъ
вымышленной его жизни; но къ
сожалѣнію безъ заглавнаго листа.

По слогу думатьъ надобно, что она печатана прежде Царствованія Царя Алексѣя Михайловича! или покрайнѣй мѣръ при его Царствованіи. Басни сіи очень удачно переведены, прописота и крапкостъ принадлежащія Езопу, сохранены во всей точности. Я не смѣлъ не упомянутьъ объ этой книжечкѣ и не выписатьъ изъ оной двухъ басенъ. Не излишнимъ почишаю замѣнить читателямъ, что при каждой баснѣ находится приличнѣйшій естампъ, довольно не худо выгравированный, да и самыя буквы довольно чисты и даже красивы! (*)

Лісїца.

Лісїца вшедши въ домъ кукольниковъ, или комедіантъ, всѣ орудія его пересмотрѣла, обрѣше же тамо ларву, или харю, сѣрѣчь. страшїло

(*) Что заставляетъ думать, что наша Типографія, имѣла уже нѣкоторое совершенство.

въ подобїи лїца и главы человѣческїя, изрядно устроеня, и взявши ту въ лапы, рече, о какова глава, а мозгу въ неи нѣтъ.

Прїлогъ.

Прїпча знаменуєть шѣхъ людеи, которые супъ красны и велїки шѣлесы, обаче умомъ неразумни.

Человѣкъ и Песѣ.

Человѣкъ нѣкїи сотвори вечерю, хотяи подчївати друга своего любїмаго, егоже песѣ иного прїзва пса, иже рече, друже прїиди, купно со мною будещи вечеряти. онъ же егда прїиде весель, велїкїя ождаая вечера, стояше и мысляше въ мысли свои. глаголя, се какова мнѣ радость прїключїся, стану пїтатїся и насыщенъ буду сїце, яко за утра нїкако захочу ясти, сїя же егда самъ въ себѣ глаголаь, и хвостомъ помахївалъ, яко на друга своего уповалъ, поваръ вїдя его хвостомъ радость творяща. возхїтївъ за ноги, окномъ выбросїлъ; онъ же егда паде, съ велїкїмъ воплемъ идяше. егоже срѣше нѣкїи песѣ, како

вечерялъ еси друже; рече, отвѣща ему,
многимъ пїиємъ не по мѣрѣ упїлся, и
пути не позналъ, кошорымъ прїшелъ.

Прїлогъ.

Прїмча знаменуєтъ, яко не подобаетъ упо-
вѣати на тѣхъ, которые оупъ чуждаго благоотво-
рїти обѣщаются.

Князь Апїохъ Кантемиръ ро-Канте-
дился въ Цареградѣ 1709 года 10^{миръ.}
Сентября, кромѣ *сатиръ* и мно-
гихъ другихъ сочиненїй оставилъ
еще шесть басень, коихъ содер-
жаніе Езопа украшено стихами.
Конечно басни его, не имѣють
теперь той прїятности, какую
находили въ нихъ при жизни со-
чинителя. Ибо и языкъ и самое
стихосложеніе съ того времени
гораздо измѣнились. Всѣ шворе-
нїя Кантемира будутъ имѣть все-
гда свою цѣну и въ особенноти
его сатиры, какъ бы впрочемъ
слогъ и языкъ Россійскій не пере-
мѣнялся. Сей государственный и
великій мужъ скончался къ сожа-

Канте-ленію Музъ и Россіи 34 лѣтъ по-
миръ. сланникомъ въ Парижѣ. Онъ былъ
нѣжнаго сложенія и хопя не при-
гожъ лицемъ, однако имѣлъ ра-
зумную и любовь къ себѣ привле-
кающую фیزیономію. Зналъ язы-
ки: Россійскій, Мулшянскій, Ла-
пинскій, Ипаліанскій, Француз-
скій и нынѣшній Греческій изря-
дно, также разумѣлъ по Еллен-
ски, по Гишпански и по Аглински.

БАСНЬ I.

Огонь и восковой болванѣ.

Искусный въ дѣлѣ своемъ восколей прилѣжно
Трудився, вылилъ болванъ всѣ выразивъ нѣжно
Въ немъ уды, часши, власы, шакъ что живо шѣло
Болванчика того бытъ всякъ бы сказалъ смѣло.
Окончавъ все, не умно забылъ опдѣлѣши
Болванъ отъ огня, гдѣ воскъ случилось шопиши.
Въ жару распопился воскъ, расползлося шѣло
Болванчика; пропалъ трудъ, пропало все дѣло.
Кто дѣло свое вершивъ, ушвердитъ желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшзешъ,
Опдѣлѣтъ, и что вредитъ искоренѣтъ скоро;
Безъ того дѣло его не можешъ быть споро.

Отецъ Россійскаго стихотвор- Ломо-
ства, дивный Ломоносовъ, хотя носовъ.
написалъ только три басни, но
доказалъ оными, что онъ и въ
семъ родѣ могъ бы у насъ зани-
мать первое мѣсто, ежели бы
пожелалъ оставить болѣе примѣ-
ровъ сихъ иносказаній. Басня его
Волкъ и Пастухъ по изобрѣщенію
предмѣта, по пріятному и лег-
кому стихосложенію по непринуж-
денному крапкому и къ спашу
выведенному нравоученію, всегда
будетъ почитаться образцемъ
искусства баснописанія. Сей вели-
кій мужъ столь много извѣстный
Россіи и Европѣ, род. въ Холмого-
рахъ, въ 1711; а умер. въ 1765 го-
ду, Статскимъ Совѣтникомъ, ИМ-
ПЕРАТОРСКОЙ Санктпетербург-
ской Академіи Наукъ Профессо-
ромъ, Стокгольмской и Боннской
членомъ, былъ сынъ рыбака!

Волкъ Пастухъ.

Ломо- Лишь только дневный шумъ замолкъ,
носовъ. Надѣлъ паспущье плащье волеъ,
И взялъ паспущей посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ спаду.
Увидѣвъ шамъ, что жучка спишь,
Обнявъ паспущку Оирсъ хранишь,
И овцы всѣ лежали съ ряду,
Онъ могъ изъ нихъ любую взятьъ.
Но не довольсвываясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ,
И именемъ овецъ назвашь.
Однако чуть лишь пастъ разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчій вой.
Паспущъ свой сладкій сонъ покинулъ,
И жучко бросился съ нимъ въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣшилъ.
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣшилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ;
Въ полахъ и рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Оирсъ недолго размышлялъ;
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я басню всю королскимъ шолкомъ
Могу вамъ, Господа, сказасть:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицей не бывасть.

Профессоръ краснорѣчія Ва-Тредья-
силей Кириловичъ Тредьяковскій,^{ковскій.}
род. 1703, а умеръ 1769. Между
многими его сочиненіями извѣстны
его басни изъ Федра и другихъ
предложенныя близко. Онѣя, какъ
и всѣ творенія его чистаюцца съ
большимъ любопытствомъ и съ
жадностію; (но ни одинъ писа-
тель въ томъ ему не позавидуешь,)
однако не болѣе нѣсколькихъ ми-
нутъ и не сплошь, а мѣстами.
Стихотворенія его на всегда оста-
нулись примѣромъ каррикатурнаго
стихосложенія. Но при всѣмъ томъ
мужъ сей былъ ученый и трудо-
любивѣйшій, много споспѣшество-
валъ водворенію въ Россіи полез-
ныхъ знаній и былъ человѣкъ не-
обыкновеннаго ума. Безвкусіе, не-
имѣніе стихотворческаго дара, а
болѣе спрасть — непреодолимая
спрасть къ стихамъ гораздо у-
меньшила достоинства Тредьяков-
скаго; до такой степени, что фа-
милія его никогда съ суріознымъ

Тредья-видомъ не произносился, но всег-
ковскій да съ нѣкопорымъ смѣхомъ.

БАСЕНЬКА I.

Пѣтухъ и Жемчужина.

Пѣтухъ взбѣгъ на навозъ, а рысь началъ потъ
вскорѣ.

Жемчужины вошь онъ дорылся въ ономъ сорѣ

Увидѣвши ея: что нужды, говоритъ,

Мнѣ въ этомъ дорогомъ, что глазъ теперь мой
зритъ.

Желалъ бы лучше я найди зерно пшеницы,

Которую клюемъ дворовые мы пшцы.

Къ томужъ, мнѣ на себя сей вещи не носишь;

Да и не можешь ты собой меня красить.

И такъ другимъ она пусть кажется любезна

Но мнѣ хоть и блестящъ, ни мало бесполезна.

БАСЕНЬКА X.

Воръ и Песъ.

Лаящу собаку хлѣбомъ закармливалъ воръ,

Какъ входилъ онъ въ нѣкій, чпобъ окрасъ, бо-
гатый дворъ.

Но ему песъ говорилъ: хорошо, что буду

Нынѣ отъ тебя я сытъ; толькожъ гдѣ добуду

Я себѣ ужъ хлѣба, и тогда что поѣмъ,

Какъ ты насъ окрадешь при молчаніи моемъ? —

Александръ Петровичъ Сума-Сумароковъ, Дѣйствительный, Спаш-Роковъ, ской Совѣтникъ, ордена Св. Анны кавалеръ, и Лейпцигскаго ученаго собранія свободныхъ наукъ членъ, род. 1718 — а умеръ 1777 года. Хотя басни его не превосходятъ Федра и Лафонтена, какъ сказано Г. переводчикомъ историческаго словаря; но однако онѣ не безъ достоинства, и справедливо многими почитаются за превосходныя басни Сумарокова шѣ, въ которыхъ осмѣяны поступки приказныхъ его времени. Словомъ, изъ 273 его припѣвъ, составляющихъ довольно большую книгу, можно бы выбрать 50 и болѣе басенъ, не уступающихъ въ красотѣ извѣстнымъ баснописцамъ. Сей славный мужъ оставилъ опыты всѣхъ извѣстныхъ родовъ стихотворенія. Онъ былъ первый основатель Россійскаго театра. Вотъ двѣ его басни,

Сума-
роковъ.

Собака и Воръ.

Старый обычай и давняя мода.
Былибъ вороша всегда на крени.
Въ домѣ, всегда у приказнаго рода
Песъ на часахъ, у ворошъ на цѣпи.
Дворникъ забывшись не заперъ калишки,
Слѣдственно можно вперешься во дворъ,
Въ вымыслахъ мудрые, оспры и пришки;
Входишь мудрецъ шушь: а именно воръ.
Ласпится, ласпится льщецъ ко собакѣ,
Бросилъ ей жирнаго мяса кусокъ:
Песъ разсердась, закричалъ будшо въ дракѣ
Рвешся напрасно нахалъ, а не въ прокъ:
Воръ подкупиши меня предпринимаешь,
Хочешь прибраться шы къ нашимъ крохамъ,
Вѣрна подарками пса не сломаешь,
Я не повиненъ приказнымъ грѣхамъ.
Знаю привѣспва сего я причину,
Взавшрѣ пожалуй, да въ день; а не въ ночь.
Мясо снеси къ моему господину,
Онъ до подарковъ поболѣ охочъ.

Что можешъ быть забавнѣ
сей басни, въ которой песъ, хопя
вѣрный своему господину, нознашь
веселаго нрава, шакъ шонко по
смѣялся на щотъ своего хозяина!
Невольно засмѣшся — Г. Сумаро-

ковъ нарочно, какъ кажется, упо-Сума-
требилъ такой даже размѣръ и роковъ.
вложилъ въ уста псу такія сло-
ва, какія употребляли его време-
ни приказные и самъ рассказываетъ
ихъ же слогомъ. Слова: *слѣдствен-*
но, втереться, ворота накрепи,
жирный кусокъ, впрокъ, кроха, сло-
мать подарками, привѣтство,
пожалуй снеси, охочь, очень къ
спати помѣщены, комически и
дають ясное понятіе о разговорѣ
старинныхъ юристовъ. Я еще по-
мѣщу здѣсь одну его баснь изъ
второй книги а именно:

З а я ц ъ.

Толкнулъ какой то лъва рогами зайца:

За то скопинѣ всей рогащой,

Нещастіе теперь,

И ссыла цѣлтой.

Въ приказъ

Пришелъ о томъ указъ.

Готовъ осмошрѣ и высылка готова.

Спупай не говори ни слова;

И понесите вонъ отсель шѣла,

Рога и души.

Великой зайцу страхъ ша ссыла навела,

Сума-рокова. Рогамъ, мнишь, почтущъ въ приказѣ зайчьи уши
До зайца пошъ указъ ни въ чемъ не надѣжишь:

Однако ояъ, какъ шѣ, подобно прочъ бѣжишь.

Страхъ зайца побѣждаетъ,

А заяцъ разсуждаетъ:

Подъячій лютъ,

Подъячій плутъ,

Подъяческія души. —

Легко пожалуюшъ, въ рога большія уши:

А ежели судьи и судъ

Меня оправяшъ;

Такъ справки, выписки однѣ меня задавяшъ.

Еминь. *Еминъ, Федоръ Александровичъ*, Титулярный Совѣтникъ и переводчикъ кабинета Ея И. В. родился 1735, въ небольшемъ венгерскомъ городкѣ Липпѣ, состоящемъ на Турецкой границѣ. Въ 1737 году по причинѣ войны Австрійцевъ съ Турками попался онъ съ маиерью своею въ плѣнъ къ послѣднимъ. Возвратясь изъ плѣна учился въ Езуишскомъ училищѣ, гдѣ острою и прилежаніемъ, привлекъ вниманіе къ себѣ всѣхъ учителей, изъ коихъ

одинъ отправляясь Миссіонеромъ Еминъ въ Азію взялъ съ собою Емина. Они путешествуя по разнымъ селасіямъ прибыли въ Турцію, гдѣ случилось съ нимъ приключеніе, но котораго онъ никому не открылъ, посему приключенію взявъ былъ Еминъ подъ спражу. Дабы избавившись отъ вѣчной неволи, принужденъ былъ принять Магометанскій законъ, и дабы имѣть пропитаніе, былъ нѣсколько лѣтъ Янычаромъ. Нечаянно познакомась съ Англинскимъ Капишаномъ ушелъ въ Англію; тамъ живя нѣсколько времени воспріалъ усердное намѣреніе принять Греческій законъ. На сей конецъ явился къ Россійскому посланнику, Князю Александру Михайловичу Голицыну, который и былъ воспріемнымъ его отцемъ и по имени коего назвался онъ Федоромъ Александровичемъ. Такъ рассказывалъ о себѣ Еминъ одному изъ своихъ знакомыхъ. Онъ оставилъ 73 басни, ко-

Еминя. торыя напечатаны вторымъ изданіемъ 1789 года въ Петербургѣ, написанныи прозою, и не недостойны вниманія по своей простотѣ, и простому слогу, но только нравоученія его не всегда успѣшно выведены. Онъ былъ человѣкъ оспраго разума, зналъ 13 разныхъ языковъ, имѣлъ крипическій веселый нравъ, чрезъ чтеніе древнихъ и новыхъ авторовъ приобрѣлъ обширное знаніе многихъ наукъ. Кромѣ басень, оставилъ множество другихъ сочиненій и нѣкоторое время былъ издавателемъ журнала *Адской почты*.

Супъ и Ботвинье.

Супъ увидя на столѣ ботвинье, такъ ему говорилъ: за чѣмъ ты сюда пришла? или ты не знаешь, что я начальникъ стола? меня передъ всякою пищею употребляютъ, а ты осмѣлилась прийти на тотъ же столъ, на которомъ и я нахожусь. Поди же прочь отъ сюда, продолжалъ супъ. Тебѣ

прилично быть на мапроескихъ и на Еминь. мужичьихъ столахъ, а не на тѣхъ, гдѣ я начальствую. Ботвинье услыша такой предлинной выговоръ, спросила сего знатнаго начальника: А васъ милостивый государь, какъ зовутъ? я супъ славный, отвѣчалъ онъ: сложеніе мое весьма изрядное. Жирныя курицы, голубята, куропатки, перепелки, и цыплята меня сославляютъ: а въ тебѣ ничего добраго нѣтъ: горькой лукъ, кислой квасъ и вонючей чеснокъ, знатнѣйшими супъ твоими достоинствами. Ты обманываешься господинъ супъ, отвѣчала ботвинье, инымъ нравишься ты, а инымъ я. — И я у многихъ бываю начальникомъ стола, такъ же какъ и ты. У знатныхъ людей я имѣю великія качества. Разеѣ мало есть такихъ, кои меня съ краснымъ виномъ дѣлаютъ, а иные и съ Шампанскимъ, и много разныхъ иныхъ приправъ въ меня включаютъ. И такъ нѣчего тебѣ хвастаться своимъ состояніемъ, когда достоинства наши отъ счастья зависятъ. Не разъ случается, что и ты благородной супъ, будучи поставленъ на бѣдномъ столѣ, заправленъ бываешь горькимъ лукомъ.

Еминь, перцомъ и такою правою, которую можно доспать безъ денегъ, и нарвать вездѣ.

Нынѣ значность больше отъ счастья, нежели отъ природы зависитъ.

Хемницъ. *Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ*, род. 1744, а умеръ 1784 года, Генеральнымъ Консуломъ въ Смирнѣ. Подарилъ Россійской словесности 84 басни, которыя отличаются чистотою слога, прямымъ Рускимъ нарѣчіемъ и картинами, взятыми изъ обыкновеній простаго народа, и тѣмъ болѣе достойны примѣчанія, что сочинитель оныхъ былъ Саксонецъ. Басни Хемницера могутъ быть только пошъ одинъ имѣютъ недоспашокъ, который замѣченъ Г. Палицынымъ въ его посланіи къ *Привѣтѣ*. Сей баснописецъ нравомъ и сипранностями нѣсколько походилъ на Лафонтена, тоже добродушіе, тоже увѣренность въ друзьяхъ, нераспо-

ропчость и разсѣяность въ мы-Хемни-
сляхъ. Замѣчено нѣсколько анек-
дотовъ его, которые болѣе даютъ
понятія объ его спраннысти. —
Въ Парижѣ во время представле-
нiи трагедiи *Танкреда*, когда Ле-
кенъ показался, по поражен-
ный величественною осанкою его,
вспалъ баснописецъ, поклонился
ему и тогда только примѣпилъ
спраннысть своего поступка, ко-
гда весь партеръ захохоталъ.
Всѣмъ извѣстенъ еще анекдотъ о
салфеткѣ съ нимъ случившійся.
Въ сочиненiяхъ его помѣщена ему
Эпиграфiя.

Жилъ честно, цѣлой вѣкъ прудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Вотъ двѣ его басни. Одна изъ пер-
вой, другая же изъ прешней книги.

Мужикъ и Корова.

Коня у мужика не спало,

Такъ онъ корову осѣдлалъ;

А самъ о томъ не разсуждалъ,

Что говорятъ: сѣдло коровѣ непристало:

Но не смотря на то, онъ на корову сѣлъ;

За тѣмъ, что вдалѣ пѣшкомъ идти не захотѣлъ

Хемни- Онъ сѣлъ — корову понужаетъ ;
церъ. Корова только лишь подъ сѣдокомъ шагаетъ.

Сѣдокъ корову погоняетъ ;

Корова выспунной все тою же спупаетъ ,

И только лишь подъ нимъ пыхшистъ.

Сѣдокъ имѣлъ въ рукахъ не хлыстикъ , а дубину ,

Корову понуждалъ какъ вялую скошину ,

Щипая , что она отъ палки побѣжитъ .

Корова пуще лишь пыхшистъ ,

Потѣшетъ и крехшистъ .

Сѣдокъ удары ушроеетъ ;

Корова все шагаетъ ,

А рыси хошь убей ,

Такъ нѣтъ у ней .

Корова наконецъ подъ сѣдокомъ свалилась .

Немудрено , скакашь корова не родилась .

Собака и Мухи.

Собака ловитъ мухъ , однако не поймаетъ ,

И глупая не разсуждаетъ :

Что муха вѣдь лѣзаетъ . —

Лови , собака , то , что сыщешь подъ ногой ,

Не то , что надъ швоей лѣзаетъ головой .

Бар-
ковъ.

Барковъ Иванъ, былъ перевод-
чикомъ при Императорской
Академіи Наукъ , умеръ 1768. Онъ
перевелъ Федровы басни , но онъ
далеки отъ того совершенства ,
какое имѣютъ писанныя его шво-

ренія и споль щцапельно храня—Бар-
щіяся у многихъ. Сей человекъ^{ковъ}.
имѣлъ умъ острый и опважный,
былъ искусенъ въ Лапинскомъ,
хорошо зналъ природный и нѣ-
сколько Италіанскій языкъ. Нравъ
его былъ веселой самъ же былъ
безпеченъ. Онъ оставилъ краткую
исторію отъ Рюрика до Пепра
Великаго, она не напечатана;
такъ же жизнь Кантемира и при-
мѣчанія на его сапиры. Вообще
можно сказать о семъ человекѣ:
ежели бы не во зло употребилъ онъ
свои дарованія, то занималъ бы
могущъ быть впорое мѣсто по-
дѣ Ломоносова!

Волкъ и Ягненокъ.

Изъ одного ручья для утоленія жажды.

Ягненку съ волкомъ лишь случилось однажды.

Ягненокъ ниже былъ, а выше волкъ споялъ,

Тогда разинувъ пасть, запыляя здоръ нахалъ.

Я пью; какъ смѣешь ты мушить, бездѣльникъ
воду?

Ягненокъ опивчалъ, бояся сумазброду:

Лъзялъ спасться оному, пожалуй разсуди?

Ко мнѣ бѣжишь вода, а ты вѣшь впереди.

Бар- Опѣшилъ грубіянь, какъ правду шутъ увидѣлъ.
ковъ. Потомъ рекъ: ты еще за полгода обидѣлъ.
Я въ тѣ поры, сказала ягненокъ, не рожденъ.
Да я ошчомъ твоимъ злословно обнесень.
Сказавъ, схватилъ его и растерзалъ напрасно.

*Всякъ можетъ разумѣть чрезъ оную
оиснь ясно,*

*Какъ пріобыкшіе невинныхъ подавлять,
Умѣютъ ложныя причины составлять.*

Лисица, къ трагической личинѣ.

Попалась невзначай лисѣ въ глаза личина.
Куда сколь прихожа, сказала, образина!
Да только жаль того, что нѣшу мозгу въ ней,
Почтеннымъ молвлена глупцамъ рѣчь въ баснѣ сей.

Фонъ- *Фонъ-Визинъ, Денисъ Ивано-*
Визинъ. *вичъ, Стапскій Совѣтникъ и членъ*
Россійской Академіи, род. въ Мос-
квѣ 1745 года. Между прочими
многими драматическими, сапи-
рическими и другими сочиненіями
оспавилъ онъ нѣсколько басень.
Слогъ во всѣхъ его швореніяхъ, какъ
и въ басняхъ, чиспъ, правиленъ,
плавленъ, оригиналенъ, копорый
пріобрѣлъ онъ отъ членія Сла-
вянскихъ книгъ, копорыя долженъ

былъ чинать своему опцу. Фонъ-Фонъ-Визинъ нравомъ былъ щедръ, услу-Визинъ. жливъ, опкровенень, въ обхожденіи весьма пріятень, шушливъ и остроумень;—за послѣднее свойство спрадалъ онъ неоднократно. Извѣспень одинъ анекдотъ, случившійся при представленіи его *Недоросля*, который служилъ отличнѣйшею похвалою какъ сему, такъ и другимъ его сочиненіямъ: при представленіи Недоросля былъ Потемкинъ, который восхипясь піесою Фонъ-Визина, подозвалъ его и сказалъ ему: *Денисѣ! или умри, или ничего не лиши болѣе.* Здѣсь слѣдуетъ одна изъ его басень:

Лисица коснодѣй.

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что Левъ — звѣриный царь въ большемъ лѣсу скон-
чался,

Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ,
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.
Лисица-коснодѣй при мрачномъ семъ обрядѣ
Съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ,
Взмощая на каедру, съ дошторгомъ воцѣнѣ:

Фонъ— О! рокъ лютѣйшій рокъ! кого лишился свѣтъ.
 Визинъ. Кончиной крошкаго Владыки пораженный,
 Воспласть и возрыдай звѣрей соборъ почтенный.
 Се царь, премудрѣйшій изъ всѣхъ лѣсныхъ царей,
 Доспойный вѣчныхъ слезъ, достойный олшарей;
 Своимъ рабамъ ошецъ, своимъ врагамъ ужасенъ,
 Предъ нами распростертъ, безчувственъ и безгла-
 сентъ,
 Чей умъ постигнувъ могъ число его доброшъ,
 Пучину благоспи, величье щедрошъ?
 Въ его правленіи невинность не спрадала,
 И правда на судѣ безспрашно предсѣдала,
 Онъ скопюлюбіе въ душѣ своей пишалъ,
 Въ немъ шрона своего подпору почиталъ.
 Былъ въ обласпи своей порядка насадитель,
 Художесствъ и наукъ былъ другъ и покровитель...“
 О лещъ подлѣйшая! шепнулъ Собакѣ Крошъ.
 Я Льва зналъ коротко, онъ былъ пресудій скопъ,
 И золь, и безполковъ, и силой вышней власпи
 Онъ только насыщаль свои пирански страсти.
 Тронъ крошкаго царя, достойна олшарей,
 Былъ сплоченъ изъ костей разтерзанныхъ звѣрей.
 Въ его правленіе любимцы и велможи
 Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи;
 И словомъ шакъ была юстиція спрога,
 Что кпо кого смога, шакъ шопъ того въ рога.
 Благоразумный Слонъ изъ лѣса въ степь сокрылся,
 Домостроишель Бобръ отъ пошлянъ разорился
 И Пификъ слабоумъ, писатель звѣрскихъ лицъ,
 Служившій у двора, честнѣе всѣхъ Лисицъ.
 Который, посвятя работѣ дни и ночи,
 Искусной кистію прельщая звѣрски очи,
 Поршретовъ написалъ съ царя, звѣрей лѣсныхъ

Пятнадцать въ цѣлый роспѣ, и двадцать поясныхъ, Фонъ-
 Да сверхъ того еще по новому манеру Визинъ?
 Альфраско росписалъ монаршую пещеру,
 За то, что въ жизнь свою трудился сколько могъ,
 Съ тоски и съ голоду дни претяго издохъ.
 Вошь мудраго царя правленіе похвално!
 Возможножь ложь сплетать столь явно и нахально? —
 Собака молвила: „чему дивишься ты,
 Что знатному скошту льспяпѣ подлые скопцы?
 Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
 Что низка птварь корысть всему предпочипаетъ,
 И къ щастію бредешъ презрѣнными пущами:
 Такъ, видно никогда ты, не жилъ межъ людьми.“

Василей Ивановичъ Майковъ, Май-
 Государственн^{ковъ}ой Военной Колле-
 гии Прокуроръ, и Вольнаго Эконо-
 мическаго Общества членъ, болѣе
 извѣстенъ по своей комической
 поэмѣ: *Елисей или раздраженный*
Вакхъ, нежели по посредствен-
 нымъ своимъ баснямъ. Въ свое
 время довольно почишаемый сти-
 хотворецъ. Надобно здѣсь замѣ-
 нить, что онъ оставилъ нѣсколь-
 переводовъ и даже близкихъ, не
 зная ни одного иностраннаго я-
 зыка!

Май-
ковъ.

Роза и Змѣя.

Какъ нѣкогда змѣя такъ розѣ говорила:
 Натура насъ съ тобой подобныхъ сотворила,
 Ты жалишься какъ я.
 Тогда въ ошавѣщѣ рѣчь была змѣѣ ея:
 Злохитрая змѣя!
 Напрасно ты себя ко мнѣ припкнула бокомъ
 И хочешь замарать меня своимъ порокомъ;
 Я жалею только тѣхъ,
 Которые меня съ невѣжествомъ ломаютъ;
 А ты, хоча себя и вѣчно не замажешь,
 Ты жалишь всѣхъ.
 Читатель мой! внемли, что пѣла лира,
 Змѣя преподала, а роза умная сапира.

Княж-
нинъ.

*Федоръ Борисъевичъ Княж-
нинъ* зять Сумарокова и наслѣд-
 никъ его вражсужденіи Трагедіи
 Россійской. Составилъ также нѣ-
 сколько басенъ, которыя по плав-
 носпи, чистому, просипому слогу
 равняющся съ баснями многихъ
 хорошихъ баснотворцевъ. Охот-
 ники могутъ сличить баснь его
Моръ Звѣрей, съ баснею Г. Кры-
 лова сего же имени.

Живописецъ въ полону.

Какой то Живописецъ славный,
Всё кистью выражая исправный,
Побѣдить вздумалъ по морямъ.

Княж-
нинъ.

По нуждѣ иль по волѣ?

Того не знаю самъ.

И въ морѣ шакъ же есть разбойники какъ въ полѣ.

Альжирцы были то; лишь грабить знашоки,

Въ художествахъ невѣжи, дураки.

Ни нашего они искусника напали,

Ему сковали

Животворящи кулаки,

И привели его въ желѣзахъ къ Дею.

О Деяхъ сихъ имѣеть кто идею,

Тотъ знаетъ, каковы всѣ эти усахи.

Они правители угрюмы какъ шуманы,

Припомъ же бусурманы

И Христіянъ бичи.

Сердитымъ голосомъ, нахмура брови черны,

Сказалъ художнику нашъ Дей:

„Теперь съ тобой у насъ дѣла уже неспорны:

Ты рабъ и часъ швоя въ рукѣ моей;

Но если возвратишь желаетъ ты свободу,

Ты долженъ, мнѣ въ угоду,

Украсить кистію твоей,

Въ моихъ чертогахъ стѣны;

Чтобъ тамъ всѣ разныя опшѣны

Одеждъ, обычаевъ и лицъ

Народовъ всякихъ видѣть можно.

Когда исполнишь то, свободенъ ты неложно.“

Принявъ приказъ искусникъ зашъ палъ ницъ.

Палипру вынулъ, кисти, краски,

Княж- И ну черпишь носки, рты, ушки, глазки,
нинь. Одежду всёмъ даваешь, какъ водишься у нихъ.
„Великій Государь! ужъ всё теперь готово,
Исполнилъ силу я приказовъ всёхъ своихъ:
Теперь удержи свое ты слово.“

Дей смотришь: „шакъ, вошь Турокъ, вошь и Грекъ.

Сей гордый, важный человекъ

Тотехонько Испанецъ;

А этомъ, что изъ подъ шишка

Съ ножемъ выходишь изъ лѣска,

Ишпанецъ.

И вошь продажная душа Голланецъ.

Вошь Агличанинъ. Вошь и храбръ и пьянъ

Нѣмецкой Капишанъ.

А эшо кто шаковъ? — не знаю.

И нагъ и босикомъ,

Съ некроенымъ въ рукахъ сукномъ? . . .

„Французъ, я въ этомъ увѣряю. . . .

„По что жъ его ты не одѣлъ?

Солгать предъ Вашимъ я могуществомъ не
смѣлъ.

Не какъ всё прошіе народы,

Французы всякой день переменяютъ моды;

Какая же теперь, я этого не зналъ,

И для того, его я голымъ написалъ.

Богда- Коллежскій Совѣтникъ Ил-
новичъ. политб Федоровичъ Богдановичъ,
род. въ 1743, въ Малороссіи въ мѣ-
спечкѣ переволочномъ, а умеръ 1802
года, споль много извѣстный по

своей поэмѣ *Душенька*. Оставилъ Богданъ десяти басень, которыя по числу стиховъ слога, по изобрѣщенію, не послѣднее мѣсто могутъ занимать въ нашей словесности. Сей мужъ имѣлъ любезныя свойства, тихій нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости и которая дѣлала его приятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Память сего приятнаго стихотворца сохранится. Творецъ *Душеньки* будетъ извѣстенъ потомству — какъ стихотворецъ нѣжный, часто остроумный и замысловатый.

Комаръ и Журавль.

Въ пущи подѣ облаками

Летѣли журавли;

Внизу, въ близи земли,

Своимъ путемъ летишь комаръ надѣ муравами.

Комаръ, комаръ летишь,

Комаръ, комаръ жужжишь,

Какъ будишь ровень съ нами,

Вскричали журавли.

Но что комаръ въ отвѣтъ жужжишь надѣ муравами?

Богда-
новичъ.

— Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами

Летаю и жужжу не для досады вамъ;
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ журавлямъ. —

Сково-
рода.

Сковорода, Споеикъ — философъ или Харьковскій Діогенъ, ни въ одномъ журналѣ непрославленный, не всегда будетъ уважаемъ тѣми, коимъ добродѣтельная и презвая жизнь людей любезна. — Его разговоры всегда почти были въ видѣ притчъ и соснавлиали пріятныя нравоучительныя поученія. Сковорода имѣлъ друзей, они желали дарить его, но рѣдкому удавалось исполнить свое желаніе. Сковорода принималъ иногда подарки отъ друзей, дабы шуже минушу отдать бѣднымъ. Споеикъ ни въ чемъ не нуждается. Умъ его имѣлъ нѣкоторую остроту. — Онъ довольно оставилъ и стихотворныхъ сочиненій; но трудно отыскать ихъ. — Не безъ достоинства извѣстная пѣснь его:

Всякому городу нравы права, Скоро-
 Всяка ильетъ свои уль голова. и пр. рода.
 копорую поюшъ здѣшніе слѣ-
 пые и за копорую увѣрены всегда
 въ хорошей платѣ! но сія пѣснь
 изуродована ими безъ всякаго ми-
 лосердія! — Такова участь всѣхъ
 преданій! — В шъ слихи къ еіо
 порпешу. (*)

Ревнишель истинны, духовный Богочещъ
 И словомъ и умомъ и жизнію мудрецъ,
 Любишель простоты, и опъ суетъ свободы;
 Безъ лести другъ прямой; доволенъ всѣмъ всегда;
 Достигъ навѣрхъ наукъ, познавти духъ природы
 Достойный для сердецъ примѣръ Скоро рода.

Къ сожалѣнію Россійской сло-
 весности рано скончался пріят- Нахи-
 ный стихотворецъ Акимъ Ник- мовъ.
 лаевичъ Нахимовъ, помѣщикъ Харь-
 ковской Губерніи, и Кандидатъ
 Харьковского Университета. Кро-
 мѣ разныхъ Сапирическихъ сочи-
 неній оставилъ 23 басни, оплач-
 ныхъ по своей замысловатости и

(*) Читатели позволяютъ замѣтить, что Скоро-
 рода стоитъ лучшахъ стихохъ шъ е: болѣе
 понятныхъ!

Нахи-
мовъ. рѣзкому слогу. Кажется природа
влила въ душу его особенное чув-
ство опвращенія ко всему не спра-
ведливому и смѣшному. То и дру-
гое всегда поражало его впечатлѣ-
ніями своими до изступленія. Въ
сочиненіяхъ его видны вездѣ чер-
ты Сумарокова — Фонъ Визина. Не
излишне замѣтитъ здѣсь, что онъ
былъ присяжный врагъ несправѣ-
дливостямъ приказныхъ, и перо его
еще болѣе на нихъ дѣладо напа-
деній, нежели Сумарокова. Къ ве-
личайшему сожалѣнію рановре-
менная смерть его не дозволила
ему докончить драматическихъ
его сочиненій. Онъ умеръ 53 лѣтъ
въ 1814 году. Вотъ вѣсколько его
басень:

Моська и Собака на привязи.

Ахъ! сжался надомной, сѣтельной моська!
Любимцу барскому, песь спарый говорилъ:
Весь вѣкъ, усердно я на привязи служилъ:
Смотри! изражена дубиной грудь геройска;
Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ вѣсѣхъ воровъ;
Я былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ!
Возри! премудрый мошъ на многія заслути,
На дряхлоспъ лѣшъ моихъ, на слабоспъ и недуги:

Доставъ въ награду мнѣ, почтенный мой папронъ, Нахи-
Хопъ каплю молока — Да гдѣ такой законъ? мовъ.
Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь псову прерываетъ:
Нѣтъ! баринъ милостей своихъ не распочаетъ.
Послушай! — молоко дается только намъ,

Придворнымъ господамъ;

А вы на привязи терои

Давольны будьте шѣмъ, что вамъ даютъ помои.

Парикъ и Болванъ, на которомъ его расчесываютъ.

Съ пѣшивой знапности, когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ тогда носилъ. —
Ужъ — то — то, чую, вы сего дня разсуждали?

Болванъ у парика спросилъ:

Вѣдь много думаю у знапности разсудка?
Какъ у тебя дубоваго отрубка.

Фортуна.

Зевесъ позвать къ себѣ форшуну приказалъ,
Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?
Не добродѣтели форшуна награждала
Безстыдница, съ осломъ обнявщися лежала!

Волы и Лошадь.

Спросили нѣкогда у лошади волы:
За что Боярину понравились ослы?
Вѣдь работашь они намъ мало помогаютъ,
Однако больше ихъ и кормятъ и ласкаютъ!
— И вы не знаете конь отпѣталъ воламъ!

Нахи-
мовъ.

За что такая честь осламъ?
И барская не милость къ намъ?
Такъ знайтежъ Новобранцы:
Мы Русскіе, — ослы же Иностранцы!

Зеркало и Уродъ.

Уродъ.

Ты грубое стекло, меня приводишь въ смѣхъ.
Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
Будь вѣжлива: полюби!

Зеркало.

Льстить право не умѣю;
Лесть свойственна лисѣ, собакамъ да лакею.

Здѣсь, помѣщается Епипафія
пріимъ му сему стихотворцу, на-
писанная однимъ изъ его почи-
пелей по проченіи его сочиненій.

Жалѣетъ Фебъ и плачутъ Музы!

Нахимовъ умеръ — ихъ пѣвецъ —
Въ восторгѣ! Врачъ, Педагъ, Французы,
Ослы, Кокешки, Франтъ, и Льстецъ,
Крючки жъ — отъ радости въ шраптирѣ!
Что ибѣтъ Нахимова въ семъ мірѣ!

Есть еще собраніе въ сти-Лев-
хахъ, состоящее изъ 56 басень, шинь.
нынѣ живущаго писателя *Василія*
Левшина, напечатанное въ 1787
году въ Москвѣ; о которомъ я
никакого напамѣрень сдѣлавъ за-
мѣчанія... а только выпишу изъ
оного одну баснь. Читатели про-
чли оную и безъ меня будутъ и-
мѣть ясное понятіе о нравоучи-
тельныхъ басняхъ и примѣрахъ Г.
Левшина. Излишне думаю упоми-
нать о томъ, что сей писатель
извѣстенъ Россіи многими своими
экономич-скими сочиненіями, — и
съ 1813 года издаетъ успешно Тех-
нологическій и Экономическій жур-
наль.

XIV.

Л е у н ъ.

Насъ спранспыя въ справы чужія насправаляютъ;
Однако же нигдѣ людей не учашъ лгать,
Хоть спранспыющія умѣютъ прибавлять;
Но нынѣ истинну отъ брѣдней различаютъ,

И могутъ счасъ,
Что прижди по два шесъ.
Ложь слушать не обидно,

Лев- И только лишь лжецу онъ лжи бываетъ стыдно.
шинъ. Въ бесѣдѣ агунъ сидѣлъ

И много вздору пѣлъ.

Со вздору пошлины въ бесѣдахъ, не собирають,
И носа кулакомъ лжецамъ не упира-
ють.

Такимъ порядкомъ лжець покойно сидя вралъ,

И вошь что онъ сказаль:

Я въ Индіи видалъ

Такой липсы капуспы,

Что полкъ однимъ накрывъ, въ краяхъ мѣста есть
пуспы,

И можно ропы двѣ еще тамъ умѣстишь.

Легко шо можетъ быть,

Одинъ ему въ ошвѣтъ, сидящій на бесѣдѣ,

Въ Японіи я зрѣлъ

Случившись на обѣдѣ

Кошель,

Въ которомъ тысячу слоновъ сварить вдругъ мо-
жно.

Ахъ братецъ это ложно

Смѣясь оной агунъ ему спалъ говорить,

Къ чему бѣ такой большой кошель кому скованы?

Ошвѣтспивуютъ ему: случилось дѣло къ спаши!

На шо что бы швою капуспу въ немъ сварить,

Сіе сидящихъ всѣхъ подвигло къ громку смѣху,

Которой для лжеца не съ лишкомъ былъ въ ушѣху.

Измай-
ловъ.

Имѣется еще новѣйшее соб-
раніе басенъ въ стихахъ нынѣ
живущаго писателя Г. Измай-

лова, въ коемъ находится доволь- Измай-
ное число хорошихъ басень. ловъ.

Барсъ и Бѣлка.

По сучьямъ Бѣлочка и внизъ и вверхъ скакала,
Но обступилась — и спремглавъ
На Барса спараго упала;
А пошъ, съ пресыпнаго обѣда задремзвъ,
Едва опомнился въ просонкахъ;
Поднявшись на ноги, сквозь зубы онъ ворчитъ;
А Бѣлка передъ нимъ на заднихъ двухъ ножом-
кахъ
Трясется, и сама не видитъ, какъ сидитъ.
Вздрогнешь и не хопя подъ лапою пиранской!
Подумавъ, Барсъ сказалъ: я милую тебя,
По истинной щедротѣ царской;
Но съ тѣмъ условіемъ, чшобъ ты, шакъ жизнь
любя,
Призналась; опъ чего тебѣ шакъ жить пріятно?
Я вижу, ты всегда покойна, весела;
А я въ лѣсахъ, гдѣ власъ Природа мнѣ дала,
Скучаю и грущу: мнѣ эшо непонятно. —
„Великой Государь!
Смиренно ошвѣчаетъ Бѣлка:
Ты милоспивъ ко мнѣ; но разсуди — ты Царь,
А правду говоришь великимъ не бездѣлка:
Смѣлабѣбъ доложитъ о томъ тебѣ могла
Повыше съ деревца.“ — Вскходи шуда! — Взошла.
„Теперь услышишь ты языкъ души правдивой....
Не дѣлаю я зла,
И шакъ — умѣю бытъ щаспливой.
А чистой совѣстью и сердце веселю;
Не знаешь перваго ны въ мѣрѣ наслажденья:

Измай- Спокойно засыпать безъ мукъ и угрызенья.
ловъ. Ты ѣшь ягнятъ ; а я и лисъ и плодъ дѣлаю
Съ моими бѣлками сестрами ;
Ты не навидишь , я люблю :
Все сказано двумя словами “

Хво- Еще 214 припчѣ Графа Дми-
стовъ, *тутя Хвостова* заключаются въ
чепырехъ книгахъ. Любопыт-
ные могутъ сравнить нѣсколько
его басень , съ баснями Суморо-
кова , Дмитриева , Крылова , того
же содержанія , ежели хотять
имѣть точное понятіе о достоин-
ствѣ его припчей. Г. Рижскій упо-
минаетъ объ нихъ въ своей наукѣ
о стихотворствѣ — слѣдовательно
онѣ и могутъ обратить на се-
бя вниманіе любителя сего рода
вносказаній. Вотъ двѣ его басни :

Хлѣбъ и Собака.

Нѣкто хлѣба несъ округъ,
Тутъ собака прилучилась,
Къ хлѣбу сердцемъ прилѣпилась,
И вертѣшся вкругъ,
Будто бы нелѣстной другъ.
Гладишь , гладишь шопъ собачку ;
Та узря себя пощачку,
И прельщаяся кускомъ,

То глазами кусь окинешь,
 То свой роцъ она разинешь;
 То падешь предъ дуракомъ;
 То положишъ языкомъ;
 Наконецъ избравши пору,
 Тамъ плутовка скокъ
 Какъ прямому должно вору
 И зубами за кусокъ;
 А потомъ назадъ прыжокъ,
 Говорить: прощай дружокъ. —
 На шакова пса похожи:
 И любовникъ и вельможи;
 Но сказать безъ дальнихъ словъ:
 Цѣлый смертныхъ родъ шаковъ. —
 насъ погла лишь величаютъ,
 Какъ ошъ насъ услуги чають.

Хе-
стовъ.

Безногой и Босой.

Одиць нещасной
 Безъ обуви въ пыли
 Валялся на земли,
 И проклиналъ свой жребій онъ ужасной;
 Повсеминутной вопль пускалъ на небеса,
 И смершнаго просилъ часа.
 Когда своимъ онъ стономъ
 Скучадъ передъ небеснымъ трономъ;
 Тушъ нѣкпо къ нищему приползъ на косты-
 ляхъ,
 И въ бѣдности подобной
 И рокъ еще свирѣпый злобной
 Лишилъ и ногъ: онъ былъ солдашомъ на войнахъ,
 Безногой нищему: ты жизнью скучаешъ.

Хво- И ропотомъ Творца вселенной огорчаешь.
стовъ. За шѣмъ что безъ сапогъ;
Какъ мнѣ велишь стонашь? ты видишь, — я
безъ ногъ!

Невѣ- Есть еще 35 басень *Невѣдом-*
дом- *скаго*. Ежели бы сочинитель по-
скій. желалъ исправить шереховатость
и неровность слога оныхъ, тогда
онѣ не совсѣмъ были бы безъ до-
стоинства.

Олень и Овца.

Я голоденъ и слабъ, о милая овца!
Нѣтъ пищи у меня — ахъ! дай взаймы сѣнца;
Хотя клочечикъ не большой,
Я съ лихвою отдамъ, въ помъ волкъ порука мой!
Олень овецъ такъ говорилъ:
Нѣтъ другъ! не вѣрю вамъ — волкъ спрашенъ
мнѣ когшями;
А ты рѣзовъ ногами;
Ошвѣшь овечки былъ.

Кры- Теперь слѣдуетъ извѣстный
ловъ. Россійскій баснописецъ, Г. Кры-
ловъ, коего басни знаютъ всѣ
любители Россійской поэзіи. Раз-
пространятся объ ихъ досто-
инствѣ значило бы: повпорять
хвалы каждому любителю басень,

причитавшаго иносказанія Кры-Кры-лова. Спось онъ, искусень въ прип-ловъ-чахъ! и для того вмѣсто всякаго на оныя замѣчанія помѣщающаго здѣсь двѣ его басни, для украшенія крапкаго сего обзорѣнія о семъ родѣ стихотвореній.

Слонъ и Моська.

По улицамъ слона водили,
Какъ видно на показѣ:

Извѣстно что слоны въ диковинку у насъ;

Такъ за слонѣмъ толпы збѣгать ходили.

Опколѣ ни возмись на встрѣчу моська имъ.

Увидѣвши слона, ну на него мешаться,

И лаять и визжать и рваться;

Ну шакъ и лѣзись въ драку съ нимъ.

Сосѣдка, переспанъ справимся:

Ей шапка говоритъ, тебѣ ль съ слонѣмъ возиться!

Смотри ужъ шы хранишь, а онъ себѣ идетъ,

Впередъ,

И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ —

Эхъ! эхъ! ей моська отвѣчаетъ,

Вошь то то мнѣ и духу придаетъ,

Что я со всѣмъ б.зѣ драки

Могу попастьъ въ большіе забіяки

Пускай же говорятъ собаки:

Ай моська! знаетъ она сильна,

Что лааетъ на слона.

Кры-
ловъ.

Вороненокъ.

Орелъ

Изъ подъ небесъ на спадо на летиѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А воронъ молодой вблизи на то емошрѣлъ.
Взманило што вороненка,
Да только думаешь онъ такъ: ужъ братъ, такъ
братъ;
А то, что и когтей марать.
Бывають и орлы, какъ видно плоховаты.
Ну только въ спадѣ, что ягняты?
Вошь я какъ захочу
Да налечу,
Такъ царской подлинно, кусочикъ подхвачу.
Тутъ воронъ поднялся, и спаль кружишь надъ
спадомъ.
Окинулъ спадо жаднымъ взглядомъ,
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ,
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ наконецъ
Барана — да какова?
Прежирнова прематерова,
Который добромубъ и волку былъ въ подъемъ.
Издадъ на него спустился
И въ шерсть ему, что силы есть вдѣпилъ —
Тутъ поздно онъ узналъ, что добычъ не понѣмъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ шомъ
Тулупъ такой былъ прекосматой,
Густой, всклокоченной, хохлатой,
Что изъ него когтей не выперебилъ вонъ
Зашѣйникъ нашъ крылатой,
И кончилъ подвигъ шѣмъ, что самъ попалъ въ по
лонъ.
Съ барана паспужи его чиннейко сняли;

А что бы онъ не могъ лѣшати, Кры-
Ему всѣ крылья окарнали ловъ:
И дѣшамъ отдали играть. —

Не рѣдко у людей шожъ самое бываетъ,
Коль мѣлкой плушъ
Большому плушу подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворами, за то воришекъ
бьютъ.

Неблагодарный былъ бы трудъ, Дми-
разпространяшьяся и о басняхъ на- тріевъ:
шего Лафонтена, *Ивана Ивано-
вича Дмитріева*, которой по-
спавиль насъ Россіянъ наряду
съ превосходнѣйшими баснопис-
цами всѣхъ народовъ, и чтобы
слабое мое вниманіе объ нихъ не
упомянуло все было бы не ново.
Любители изыскаго знаютъ ихъ
всѣ наизусть; и такъ, должно ли
еще объ нихъ разпространяшьяся?
для вящаго украшенія сего обо-
зрѣнія прилагаетъсѣ здѣсь нѣсколь-
ко басень великаго сего басно-
писца:

Амуръ, Гиленъ и Смерть.

Дми-
трѣвъ.

Амуръ, Гиленъ со Смертью спрогой
Когда — то шли одной дорогой
Изъ свѣта по своимъ домамъ,
И вздумалось молодцамъ
Впащитъ спаруху въ разговоры.
Признайся, говоряшь, ты, Смерть, не рада намъ:
Ты ненавидишь насъ? — Я? выпараща взоры
Спросила Смерть ихъ: да за что? —
Ну какъ за что! за то,
Что мы въ намѣреньяхъ согласны не бываемъ:
Ты все моришь, а мы раждаемъ. —
Пустое, брашцы! Смерть сказала имъ въ отвѣтъ:
Я зла на васъ? . . Перекрестились!
Людьми снабжая свѣтъ,
Вы для меня жъ шрудишесь.

Полевой Цвѣтокъ и Гвоздика.

Простой цвѣпочикъ, дикой,
Не знаю какъ попалъ въ одинъ пучокъ съ гвозди-
кой,
И что же? Отъ нее душистымъ спалъ и самъ!
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

Верблюдъ и Носорогъ.

Верблюду говорилъ однажды Носорогъ:
„Во вѣкъ я приложитъ ума къ тому не могу,
За что предъ нами вы въ такой щасливой долѣ?
Васъ держитъ человѣкъ всегда въ чести и холѣ,
И кормитъ въ довольѣ и поимъ,|

И ваше разводить стараются онъ племя. Дми-
Согласенъ, что на васъ не рѣдко вьючатъ бремя, пріеѣзъ.
Отъ коего вашъ братъ довольно и кряхтитъ;
Что крошки вы, легки, при томъ не ушомимы:
Но тѣже самыя способности и въ насъ,
До порогу еще для случая въ запасъ;
А все мы прѣзрены, гонимы!“

„Дружокъ! ошвѣщивалъ Верблюдъ:
Покорность иногда достоинству замѣна;
Что бы людямъ угодить одинъ ли нуженъ трудъ?
Умѣй и подгибать холѣва.“

Отецъ съ Сыномъ.

Скажите, батюшка, какъ счастья добиться?
Сынъ спрашивалъ отца. — А потѣ ему въ ошвѣтъ:
Дороги лучшій нѣтъ,
Какъ тѣломъ и умомъ шрудиться
Служа отечеству, согражданамъ своимъ,
И чаще быть съ перомъ и книгой,
Когда быть дѣльными хотимъ. —
Ахъ, что тяжело! какъ легче бы? Интригой;
Вшираешься жабой и ужомъ
Къ тому, кто при дворѣ фортуной вознесется —
А что низко! — Ну такъ просто... быть глум-
цомъ;
И эдакъ многимъ удается.

Непростительно бы было, за-Бунина
быть, о нашей Баснописицѣ, Бу-
ниной. Скажу безъ всякой лести —
(дама — авторъ не имѣетъ права

Бунина на комплименты.) что сочиненія
Г. Буниной, равномѣрно и ея басни;
не малое составляютъ украшеніе
Россійскому Парнасу и выпишу съ
удовольствіемъ двѣ, изъ басенъ
нашея Сафо!

Общество и Время.

Общество.

Какъ время ты могло промчаться столь мгно-
венно?

Вчера ты пище шло, и пище несравненно.

Время.

Крыловъ мнѣ крылья далъ,
Тогда, какъ басенки тебѣ свои читалъ, (*)

Смерть и ея Придворные.

Когда-то Смерть, правительница свѣта,
Къ любимцамъ всѣмъ своимъ отправила указъ:

„Въ такой-то день, въ такой-то часъ
„Собравшись вамъ ко мнѣ во адъ для совѣща-

„Любя отечество, какъ мать,

„Для пользы его, не ради славы,

„Чтобъ все цвѣло вокругъ моей державы,

„Хочу себѣ изъ васъ наперсника избрать;

„Но не вскружишься мечтами!

„Сей почести не лъзя искать.

(*) Лучшаго и справедливейшаго мнѣнія о басно-
писцѣ сказать не можно.

„Премырствомъ, родомъ, нѣмъ чинами; Бунина
„Она тому досланется въ удѣлъ,
„Кто славныхъ болѣе въ свой вѣкъ содѣлалъ
дѣла;
„Кто подвиговъ своихъ покажетъ мнѣ таблицы;
„Чьей болѣе рукой наполнялись гробницы.“
Прочтенъ указъ — отправился опрядъ;
Бѣгутъ: податокъ, водяная,
Заваль, чахотка, спалинь, зараза моровая,
А съ ними въ рядъ
Мигрени, спазмы, флюсъ — дикой простуды дѣти,
Всякъ асыпится бышь наперсникомъ у Смерщи:
Но Смерть на легкую всю сволочь ту
Едва ли обратишь изволила вниманье.
„Я вась, сказала имъ; орудіями чту;
„Вы исполняете чужое приказанье:
„Я не машинъ ищу — мнѣ нуженъ машинистъ.“
Пустилося тогда другой породы зелье:
Предсталъ дантистъ, цирюльникъ, окулистъ,
Учитель, ученикъ, ездокъ и подмастерье,
И словомъ, весь почтенный Факультетъ,
Которому, за грѣхъ, и счету членамъ нѣтъ.
А тамъ пороки всѣ единою толпою:
Злость, зависть, мщеніе съ лютейшею войною,
Опустошавшею не рѣдко свѣтъ.
Возвеселилась Смерть, взглянувъ на ихъ станицу,
Ослабя синія уста
И подняла изсохшую десницу,
Да перстомъ каждому опредѣлитъ мѣста.
Ужъ всякъ изъ докторовъ воспоргомъ подонъ
мнитъ,
Что приметъ дарскаго наперсника названье.
Ужъ всякой съ радости дрожитъ:

въ собраніи Рускихъ стихотвореній въ 3. часпи.

Въ Москвѣ, въ 1781 году из-Разка-
давался еженедѣльный журналъ, щикъ.
подъ названіемъ: *Разкащикъ, за-
бавныхъ басень, служащихъ къ
чтенію въ скучное время, или
когда кому дѣлать нечего.* Мо-
жешь быть сей еженедѣльникъ,
и услаждалъ тогда кому нибудь
скуку, шеперь времена перемѣни-
лись и *разкащикъ забавныхъ ба-
сень*, вмѣсто прогнанія скуки, мо-
жешь легко наводить оную. — Я
принуждалъ себя сколько могъ,
дабы выбрать въ мой опытъ, изъ
забавнаго сего разкащика, хотя
какой нибудь примѣръ; — съ на-
чала читалъ, потомъ уже копался
въ ономъ, перелистывалъ его, пе-
реворачивалъ, — но всё было на-
прасно, я не нашелъ ни одной за-
бавной басни.

Примѣ-
чаніе.

Многихъ и очень многихъ не-
доспаетъ еще въ семь олыпъ,
отечественныхъ нашихъ басно-
писцевъ; какъ то: Козельскаго,
Ржевскаго и прочихъ... и знаш-
наго числа нынѣ живущихъ, — (не
говорю уже о чужеземныхъ!) при-
чиною сему малыя средства на-
блюдателя, — онъ только упо-
мянулъ о тѣхъ, коихъ басни по-
падали ему въ руки, по многотру-
дному его изысканіи. — Онъ не-
могъ даже *вполнѣ* воспользоваться
третьею частію собранія Рус-
скихъ стихотвореній; ибо тамъ
помѣщено много басень, коихъ
пворцы неизвѣстны (покрайній
мѣръ) для наблюдателя. — Напр:
какъ жаль, что онъ не вѣдаетъ
имени пворца сей басни:

Орелъ и Червякъ. ()*

Вверху, на деревѣ высокомъ,
Увидѣвъ Червяка Орелъ,
Спросилъ съ надмѣннымъ, гордымъ окомъ:

(*) Смол: 234 стр: 3 часть, собр: Руск: Стих:

Ты, дерзкой, какъ сюда зашелъ?...
„Вы, какъ Орелъ сударь, взлетѣли;
„А я — доползъ до той же цѣли.

Примѣ-
чаніе.

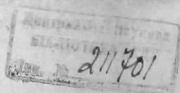
(Скромность, нѣкоторыхъ писателей, не всегда можетъ получить одобреніе.)

При томъ же признайтесь благосклонные читатели, можно ли въ *одинъ разъ* такъ сказать, начерпнуть полное и совершенное обозрѣніе, о чемъ бы то ни было? — Конечно при впоромъ изданіи, (ежели только оно случится) многое кой что будетъ пополнено, исправленно, помѣщено

Теперь скажу только вообще о Россійскихъ припчяхъ: что рѣдкой изъ нашихъ стихотворцевъ не написалъ одной или нѣсколькихъ басень. Однимъ словомъ: когда бы мы и въ другихъ родахъ, такъ успѣли, какъ въ этомъ, тогда *тончайшій* разбирашеть не нашелъ бы, можетъ быть, малѣйшаго различія, между поезіею Россійскою и чужестранною.

Заключе-
ніе.

Симъ оканчиваю мое обзорѣ-
ніе о баснѣ и о баснописцахъ. — Не
знаю достигъ ли я сколько нибудь
моей цѣли, копорая состояла въ
томъ: — чѣмъ, давши нѣкоторое
понятіе, о семъ родѣ стихотворе-
ній, — познакомить любителей ба-
сенъ, со всѣми почти баснописца-
ми народовъ и что бы, хотя нѣ-
сколько, не большою книгою за-
мѣнить безчисленное множество
книгъ о басняхъ! — За нужное почи-
паю увѣдомить здѣсь, что я, въ
разсужденіи иносѣранныхъ примѣ-
ровъ держался болѣе, извѣстнаго
Іоанна Іоахима Ешенбурга, пола-
гая: что на его вкусъ *тверже* поло-
жить можно, нежели на мой и ду-
маю, что я въ томъ и не ошиб-
ся. Нѣкоторые однако примѣры и
мною приисканы.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строк.	Читай.
4	7 сл. Стихотвореніи	Стихотвореній
10	17 сл. вдругъ	ей
11	11 — вниманія	вниманіе
17	3 сл. пова	пова
20	5 — Езуишъ	Езуишъ
24	13 — Гіованни	Джіованни
25	2 сл. ciaseun	ciaseun
27	1 — Пигношпи	Пиньôшпи
—	6 сл. furiosi	furiosi
32	6 — Годаршъ	Гударъ
34	18 сл. Са	Са
35	12 — cheri	cheri
37	7 — fortunaе	fortunaе
—	4 сл. do	de
38	8 сл. рас	рас
39	16 — croiant	croyant
41	5 — Аубершъ	Обершъ
44	4 сл. едг	едг
50	2 — изъяцныхъ	изяцныхъ
51	10 сл. нъ	къ
53	15 — Онъ	Что
55	11 — спвамъ. — То	спвамъ; — то
—	15 — канповы	Канповы
69	7 сл. DERGREIS	DER GREIS
79	16 сл. расканывашя	разкаявашя
82	11 — zieh	zieh
100	3 — крепи	крѣпи
—	8 — прыжки	прыжки
110	12 — прихожа	пригожа
111	19 — Коснодѣй	Кознодѣй
115	10 — ни	на
116	2 сл. переволочномъ	Переволочномъ
131	7 — изъяцнаго	изяцнаго
134	2 — лушшаго	лучшаго